

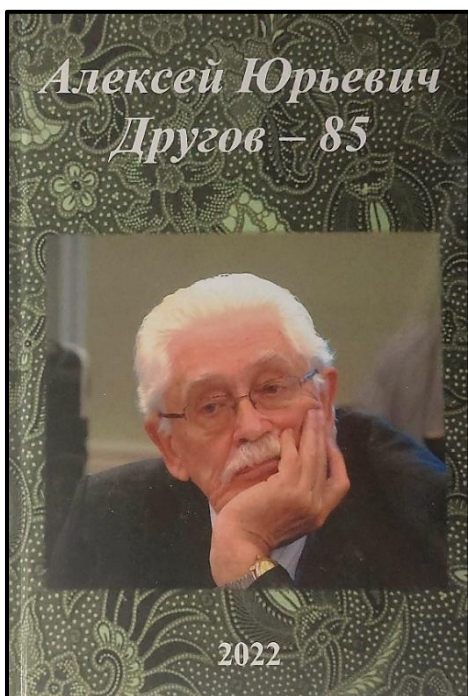
Другов Алексей Юрьевич

Интервью для проекта «Российское востоковедение – устная история»

Aleksey Y. Drugov

Interview for the “Russian Orientology – Oral History” Project

Другов Алексей Юрьевич (АД) Востоковед-индонезист, к.и.н, д.полит.н., главный научный сотрудник ИВ РАН Дата: 19 марта 2025 г., 29 января 2026 г. Место: Москва, ИВ РАН Интервьюер: Головачев В.Ц. (ВГ), Попов А.В. (АП) Расшифровка записи: Головачёв В.Ц. Редактирование: Головачёв В.Ц., Попов А.В. Время записи беседы: 7 часов	Aleksey Y. Drugov Dr. of Politology (Habil.), Chief Research Fellow, Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences Date: March 19, 2025; January 29, 2026 Place: Moscow (IOS RAS) Hosted by: Valentin Ts. Golovachev Script: Valentin Ts. Golovachev Editing: Valentin Ts. Golovachev, Alexander V. Popov Conversation & Record time: 7 hours
---	---

Другов Алексей Юрьевич (1937 г.р., Москва). востоковед-индонезист, кандидат исторических наук (1972), доктор политических наук (1999). Окончил Восточный факультет МГИМО МИД СССР (1960). Служил военным переводчиком, в т.ч. на КТОФ и в группе советских военных специалистов в Индонезии (1961–1964). Преподаватель Военного института иностранных языков (1964–1965). Работник международного отдела ЦК КПСС (1965–1991). Старший Научный сотрудник, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (с 1991). Преподаватель кафедры индонезийского языка Восточного университета (1994–2021). Тема докторской диссертации «Политическая культура и политический процесс в независимой

Индонезии (1945–1998)». Автор более 200 научных публикаций по современной истории Индонезии, включая монографии, статьи в сборниках, научных журналах и в энциклопедиях. Участник международных конгрессов востоковедов в Будапеште (1997), Москве (2004), Анкаре (2007), всероссийских конгрессов востоковедов в Казани (2012) и Уфе (2015). Член диссертационного совета ИВРАН, член Ученого совета ИВ РАН, член

редколлегии сборников «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития». Награды: орден «Знак почёта» и др.

Текст интервью:

ВГ: Здравствуйте, Алексей Юрьевич! Мы готовы начать нашу беседу?

АД: Да, к вашим услугам!

ВГ: Спасибо большое! Обычно мы начинаем наш проект с примерно одного и того же вопроса, с просьбы представиться аудитории. Как Вы обычно представляете себя профессионально?

АД: Другов Алексей Юрьевич, доктор политических наук, индонезиевед в течение уже 65 лет, если считать с момента окончания института. А если с институтом, то я занимаюсь Индонезией 71 год. В своей биографии прошёл разные пути: и чиновником был, по крайней мере дважды, и военнослужащим был – офицером-переводчиком. Был преподавателем, в том числе и военным, а потом на гражданской службе. И с 1991 года, вот уже 34 года занимаюсь наукой... Научная моя работа началась гораздо раньше, когда я ещё в Международном отделе ЦК партии работал, и там начал писать. Сотрудничал, прежде всего, с Институтом востоковедения, с отделом Юго-Восточной Азии. Участвовал в их изданиях, писал для их, наших теперь уже, журналов. И кандидатскую диссертацию я, ещё будучи чиновником, защищал здесь, в ИВ РАН. В итоге у меня уже была определённая репутация в научной среде, имелся некоторый объём опубликованных работ, поэтому я и пришёл сюда в 1990-х годах сразу на старшего научного сотрудника.

ВГ: Про ЦК КПСС мы ещё поговорим обязательно! Пока же зададим более простые и естественные вопросы. Скажите, пожалуйста, вы – москвич? Где и когда вы родились?

АД: Я родился 12 апреля 1937 года в Москве. Адрес – Рождественский бульвар, дом Демьяна Бедного.

ВГ: То есть это где-то совсем рядом, на ближайшем бульваре?!

АД: Абсолютно рядом! Я москвич настолько, что... фамилия моего деда по матери – Арбатский! Его семья, выходцы из крепостных крестьян, пришли на заработки в Москву и основали тут каретную мастерскую. В некоторых литературных произведениях даже фигурирует понятие «каreta от Арбатского». Дед мой был офицером, штабс-капитаном, участвовал в Японской войне, потом был инженером. Отец, Юрий Васильевич Другов, в 1918 году ушёл с медицинского факультета МГУ под лозунгом «Либо вошь победит социализм, либо социализм победит вошь» и отправился на гражданскую войну. Прошёл с *Тухачевским*¹ аж до Варшавы. Ну, немножко не дошли они до Варшавы. Отец так и остался в армии, стал, в конце концов, генерал-майором и главным токсикологом Военно-медицинского управления.

¹ *Тухачевский Михаил Николаевич* (1893-1937). Советский военачальник, маршал, герой Гражданской войны.

Служил в этой должности до самой пенсии в 1967 году. Его научная специальность была... какое самое отравляющее вещество-то у нас?

ВГ: Иприт? Фосген?

АД: Нет-нет. Цианистая кислота. В 1943 году отец получил Сталинскую премию 3-й степени за разработку противоядия от цианистой кислоты и пожертвовал её (25 тысяч рублей) в Фонд обороны. За это он тоже получил благодарность от Сталина.

*Генерал-майор медицинской службы Другов Юрий Василевич (1897–1973),
отец А.Ю. Другова*

ВГ: А как звали вашу маму, и кем она была?

АД: Мама — Наталья Алексеевна Арбатская, работала машинисткой-секретарем в нескольких ведомствах. И на заводе работала во время войны.

Наталья Алексеевна Арбатская, мать А.Ю. Другова

ВГ: Когда они с отцом поженились?

АД: Я родился в 1937 году. Значит, незадолго до этого...

ВГ: Вы помните военную Москву?

АД: Дело в том, что в 1941 году мы были в Москве, но потом на всякий случай уехали от бомбежек в Лианозово, к маминой сестре, моей тетке. И войну провели там. Даже дольше, в силу ряда семейных причин, мы жили там до 1952 года.

А.Ю. Другов с матерью и тётёй

А войну я помню! Если приехать сейчас в Лианозово, то я покажу, где был наш дом, и где рядом с ним стояли гаубицы. И какие солдаты у нас

стояли помню: связисты, артиллеристы, санитары, по очереди... Немцы от нас были где-то километрах в пятнадцати-двадцати, в Красной поляне, по дороге. Войну отчётливо помню.

ВГ: Самое тяжёлое время в годы войны было какое? Или просто, что запомнилось как самое тяжёлое испытание?

АД: Самым тяжёлым был голод, потому что даже при том, что с отцом было какое-то снабжение, всё равно, с едой было очень трудно, и мы даже крапиву ели. Лебеду не ели, а крапиву почему-то ели. Хотя крапиву можно есть, даже как деликатес, пока она молодая. А там, в Лианозове, она оказалась перезрелой, и мы даже слегка отравились ею. Но дело житейское! Война есть война...

ВГ: Отец находился рядом с вами в годы войны?

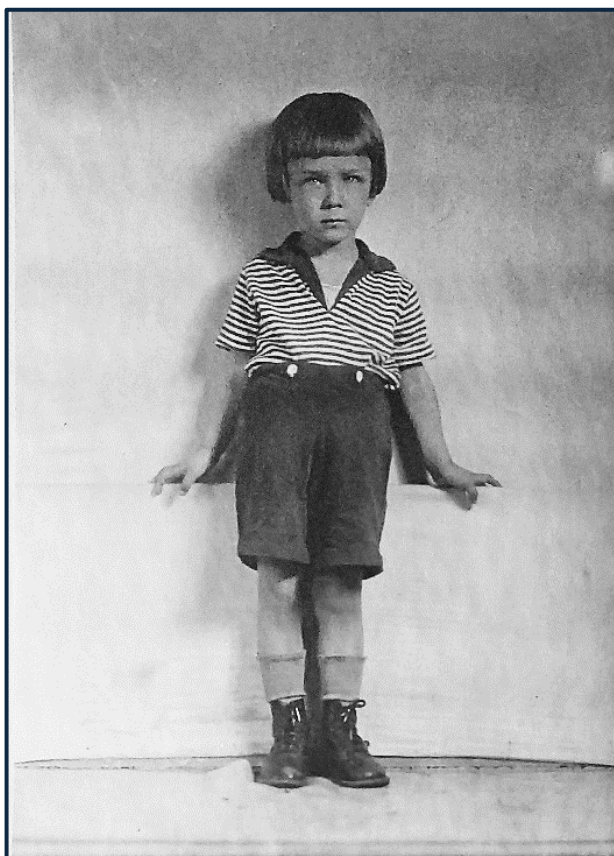
АД: По-разному. То на фронте, то с нами, то на фронте, то с нами.

ВГ: То есть у него были командировки на фронт?

АД: Да, да.

ВГ: Как вы встретили победу, помните ли этот момент, или не сохранилось в памяти?

АД: Помню! Дело в том, что в этот день я был не в Лианозове. У меня бабушка и дедушка, Арбатские, жили за Окружной, около Окружной дороги. И я как раз в то время ночевал у них. А 8 мая дед вернулся домой с завода и сказал: война кончилась! Вот это я помню отчётливо!

А.Ю. Другов в дошкольном возрасте. Что же будет потом?

ВГ: Что же было потом?

АД: Потом получили квартиру в Москве, и все уже соединились в Москве.

ВГ: Это было в 1952 году?

АД: Да, в 1952 году. В Москву я пришёл уже после 8-го класса. Тут я бы хотел отдать должное Лианозовской сельской школе – я, во-первых, из Лианозова пришёл в девятый класс, а уже в десятом классе заработал такую репутацию, что меня избрали секретарем школьной комсомольской организации. И, во-вторых, я получил серебряную медаль. Это выпускник средней школы, расположенной почти в 20 километрах от Москвы! По тем временам там была в общем достаточная провинция, но такие хорошие были преподаватели, так учили! И, кстати говоря, я не единственный из наших выпускников, кто сделал хорошую карьеру. По тем временам.

Старшеклассник Алексей Другов (1951)

ВГ: Хорошо. А в каком районе вам потом дали квартиру? Где вы жили в Москве?

АД: Тишинская площадь. Дом 6. На площадь выходит, дом с аптекой.

ВГ: Эту аптеку я знаю. А номер той квартиры помните?

АД: Кажется, номер 74. Не помню точно, это было давно. Я прожил там довольно недолго, до 1959 года, потому что женился, и мы стали сначала снимать квартиры с женой, потом получили комнату. Семь лет там прожил.

ВГ: Семь лет – это всё же большой срок! А в какой средней школе вы учились? Номер школы, наверное, помните?

АД: В 128-й школе на Тверской-Ямской. Это надо от Тишинки пройти Большую Грузинскую, перейти улицу Горького, и там параллельно идут Тверские-Ямские улицы. Вот на одной из них и находится моя 128-я школа. Спасибо ей!

ВГ: В школе вы изучали какие-то иностранные языки?

АД: Ну естественно, английский язык изучали.

ВГ: Английский язык? Немецкого уже не было?

АД: Нет. Тогда самый распространённый был английский. Я его начал изучать, и довольно успешно, ещё в Лианозове, и когда переехал, у меня не было трудностей.

ВГ: Нравилось ли вам учить английский язык? Или вы просто отрабатывали?

АД: Нет, я с удовольствием занимался. Было интересно! У нас как-то это было принято. И отец поощрял изучение иностранного языка.

ВГ: А когда вы учились в школе, тогда ещё было отдельное обучение мальчиков и девочек, или уже смешанное?

АД: В 1954 году, когда я закончил среднюю школу, как раз и стали объединять. Но в Лианозове я до восьмого класса учился совместно. А в Москве два года отдельно!

ВГ: То есть всё-таки, можно сказать, вам повезло, что детские годы вы провели в компании одноклассниц?

АД: Это так, конечно.

ВГ: Не изолированно.

АД: Нет, нет! Это создает определённую цивилизацию.

ВГ: Конечно! Это баланс Инь и Ян.

АД: Да, да!

ВГ: Хорошо. Когда вы окончили школу с серебряной медалью, конечно, встал вопрос о выборе профессии? Куда пойти учиться...

АД: Выбрал отчасти случайно. Моя бабушка где-то прослышала про Институт международных отношений, пришла и сказала: «Попробуй!». Это фантастика, конечно. Я и попробовал! Опоздал в приёмную комиссию со своей медалью, поэтому с медалью меня без экзаменов не приняли. И вообще, не хотели допускать, у них приём документов уже закончился. Но поскольку я был секретарем комсомольской организации, я обратился в райком комсомола, и они позвонили директору. Он меня принял и сказал: «Хорошо, но будете сдавать!» – «Буду сдавать!». Сдал с одной четвёркой.

Конечно, по тем временам, когда с Западом было сильное противостояние, я хотел заниматься Америкой. Но как раз в 1954 году МГИМО слили с

Московским Институтом востоковедения (МИВ)². Создали восточный факультет, потом ещё к нему будет добавлен факультет международных экономических отношений. На Восточном факультете меня сначала распределили на малайский, потом сказали учить индонезийский. Я не могу сказать, что сам это выбрал – особенного выбора нам никто тогда не предоставлял. Да и сейчас, вероятно, тоже. Исходят всё-таки из потребностей государства. И вот, в 1954 году я попал на индонезийское отделение. Мне сказали, будешь заниматься вот этим, учить индонезийский и английский.

А.Ю. Другов – вожатый. На практике в Пионерском лагере МИД (1956)

ВГ: Вы поступили в МГИМО в момент слияния с МИВ. Мы знаем, что студенты МИВ восприняли это слияние и переход в МГИМО тяжело. А как восприняли появление новых студентов в МГИМО, это как-то запомнилось?

² Московский институт востоковедения (МИВ). Возник в результате преобразования знаменитого Лазаревского ин-та восточных языков и действовал в 1920-1954 гг.

АД: Нет. Был Восточный факультет, там были люди, которые раньше учились в том самом МИВе, и никаких проблем не было. Насколько это было престижно, можно представить, если скажу вам, что на тайском языке училась Элла Георгиевна Жукова. Я учился вместе с ней, у нас была общая академическая группа.

ВГ: Это дочь самого маршала Жукова?

АД: Дочь, совершенно верно. А дочь министра иностранных дел СССР А.А. Громыко училась на Западном факультете. Элла Жукова потом работала на радио, и мы с ней хорошо сотрудничали, я для них комментарии писал.

Маршал Г.В. Жуков с дочерью Эллой, однокурсницей А.Ю. Другова

ВГ: Большой был набор на первый курс?

АД: Нас, индонезистов, было, по-моему, 6 или 7 человек. Там было где-то по 6–7 человек на язык.

ВГ: И девушки, судя по вашим словам, там тоже были?

АД: Да.

ВГ: Много?

АД: У нас было две на семь человек. Им трудно было, их брали неохотно, потому что – выйдет замуж, и всё! А учить – это дело довольно дорогое! Но, всё-таки, был порядок, и девушек тоже набирали. Учили, сейчас если вспоминать, разные преподаватели. Была Людмила Александровна Мерварт³,

³ Мерварт Людмила Александровна (ур. Левина, 1888–1965) – индолог, малаист, основатель индонезийской филологии и школы малаистов в СССР. Канд. общест. и филол. н. (1936, б.з.), доцент (1940). Окончила ист-филол. фак. Бестужевских ВЖК (1910), филол. фак. вост. яз. в Петербургском ун-те (1911). Участник этногр. эксп. в Индию и страны ЮВА (1914-1918). Сотр. Ин-та этнографии АН СССР, зав. отд. Индонезии (1924-1929).

одна из первых наших индонезиеведов. Не могу сказать, что она в совершенстве им владела, но она была в стране и знала её. Нашим учителям удалось сделать одну важную вещь. Они привили нам, ну, не скажу любовь, но симпатию, уважение и интерес к стране, благодаря которым эта изучаемая страна воспринимается как своя. Язык она начала нам преподавать. Был ещё *Гавриил Леонидович Кессельбрэннер*⁴, выпускник Военного института иностранных языков. Ему я благодарен за девиз, который я пронёс через много лет: «Перевод требует крови!». Потом к нам приехал в Москву профессор *Интойо* из Индонезии. Удивительно обаятельный яванец и с замечательной семьёй. Мы дружили с его семьёй и с детьми. Я ему благодарен, потому что он тоже участвовал в этом привитии нам симпатии к Индонезии!

ВГ: Он преподавал язык?

АД: Язык, да. Историю преподавала *Елизавета Ивановна Гневушева*⁵, очень интересный человек! Ну, и так далее. Преподавательский состав вообще и в индонезистике, в частности, был очень крепким... Настолько, что, я поступил в 1954 году, а в 1957 году мы уже работали переводчиками на Московском фестивале молодёжи и студентов. И мне судьба позволила совершить перелёт до Хабаровска и Китайской границы, а потом проехать с ними на поезде до Москвы и совершить всё это путешествие обратно. Представляете?!

ВГ: С ними – это с кем?

АД: С индонезийцами. Делегация от Индонезии сначала прибыла в Китай. Там её посадили в поезд и повезли в Москву. Мы встречали их на советско-китайской границе, на приграничной станции Отпор.

ВГ: Теперь это Забайкальск.

АД: Да. Вот от Отпора я с ними и ехал до Москвы. Здесь, в Москве, работал переводчиком, а потом провожал обратно до Отпора. То есть в 20 лет получить такой опыт и такие впечатления, представляете?! Тем более тогда полёт на самолёте ТУ-104 – это тоже было целое событие!

ВГ: То есть вы перелетели из Москвы в Хабаровск на ТУ-104?

АД: Нет, прошу прощения! От Иркутска до Хабаровска летели на ИЛ-14, а вот от Хабаровска уже ехали на поезде до границы.

ВГ: И потом ехали с делегацией на поезде из Отпора до Москвы?

Стажировки в Париже, Лейдене, Амстердаме (1927). Жертва репрессий (1929–1935, 5 лет ИТЛ). Преподаватель ВЖК и Демидовских курсов (1910-1914), ДГУ (1918-1923), ВИИЯ (1945-1948), МИВ (1945-1954), МГИМО (1949-1958). Сotr. Изд-ва вост. нац. Словарей (1944-1954). Руководила подгот. первого индонез.-русс. словаря (М., 1961).

⁴ *Кессельбрэннер Гавриил Леонидович* (1921–2001) – востоковед, к.и.н. (1959). Окончил ВИИЯ (1950). Преподаватель ВИИЯ (1950–1955), МГИМО (с 1955). Специалист по истории Индонезии и Малайзии, истории российской дипломатии, истории Крыма.

⁵ *Гневушева Елизавета Ивановна* (1916–1994) – востоковед, к.и.н. (1948), доцент (1963). Окончила ист. фак. МГПИ им. В.П. Потемкина (1941). Преподаватель МИВ (1952-1953), ист. фак. (1954-1956), ИВЯ при МГУ (с 1956).

АД: Да. Вместе на поезде до Москвы. А потом – всё в обратном порядке. В 20 лет это незабываемые впечатления! Байкал! Это был мой самый первый опыт переводческой работы и, надо сказать, достаточно успешный.

На заре переводческой карьеры

ВГ: Скажите, пожалуйста, а до того, как вы поступили и вас направили на Индонезийское отделение, вы вообще слышали слово «Индонезия»? Знали такую страну?

АД: Да, конечно! И Индонезия, и Нидерландская Индия, мы же изучали географию, историю.

ВГ: Но это было чисто абстрактное понятие для вас? Место на карте?

АД: Ну, конечно! Хотя мы читали *Миклухо-Маклая*⁶ и ещё там что-то, я никогда не воспринимал этот регион как свою профессию и свою судьбу.

ВГ: Но, всё-таки, когда вам сказали, что будет Индонезия, какие-то чувства были? Удивление, смущение? Радость?

АД: Нет.

ВГ: То есть вы восприняли это как должное?

АД: Ну – велят и велят!

ВГ: Как рок?

⁶ *Миклухо-Маклай Николай Николаевич* (1846–1888). Этнограф, антрополог, биолог и путешественник, изучавший коренное население Юго-Вост. Азии, Австралии и Океании, в т.ч. папуасов сев.-вост. берега Новой Гвинеи, называемого Берегом Маклая.

АД: Да, да.

ВГ: А с кем вы учились? Кто с вами в группе учился? Кто из них стал профессиональным индонезистом или индонезиеведом?

АД: Практически все. Анатолий Хмельницкий, Юра Чулков потом работали в МИДе, а Рита Булкина работала где-то немножко на стороне, потом она погибла в автокатастрофе. Саша Лордкипанидзе преподавал в МГУ, по-моему, индонезийский язык. И были еще иностранцы. Китаец Чжан Цзя-лин, два немца и чех. Толя стал потом послом, немец Гюнтер Галих – тоже. Остальные имели более-менее средние карьеры.

А.Ю. Другов с однокашниками в годы обучения в ИМО

ВГ: В студенческие годы настал момент, когда нужно было писать курсовые, потом дипломную работу. Как вы переходили к изучению Индонезии уже не по-школярски, а более-менее творчески?

АД: Читать надо!

ВГ: Начитывали материал?

АД: Читать, читать, читать, да! Я и сейчас так живу.

ВГ: Какие были материалы тогда? Наверное, мало было материалов?

АД: Были книги, журналы, газеты. От отца у меня осталась привычка собирать газетные вырезки. У меня ещё хранятся те газетные вырезки по Индонезии за пятидесятые годы! Не знаю, кому они достанутся, вот так! Начиная с третьего курса мы писали курсовые. А потом уже к нам стали поступать индонезийские газеты, в том числе коммунистическая. Была подписка на неё. Я ходил в библиотеку, читал, выписывал, записывал. В общем, приучали нас собирать материал как ювелиров, из самых различных данных: точка, точка, точка, и вдруг – рисунок!

ВГ: Кроме преподавателя-индонезийца были ли в Москве какие-то ещё индонезийцы, с которыми можно было знакомиться, встречаться, общаться?

АД: Нет, только посольство. А с посольством общаться не рекомендовали.

ВГ: Вам не рекомендовали?

АД: Ну вообще с посольством не рекомендовались связи, никому. Кроме служебных, официальных.

ВГ: А когда вы стали писать курсовые, диплом, как вы выбирали тему? Вам давали её, или какой-то свой интерес и выбор был?

АД: Чаще давали.

ВГ: Какие это были темы?

АД: Международная и внутренняя политика в основном. Коммунистическое движение, дипломатические связи, отношения с нашей страной, ситуация в регионе – примерно так. Я в ту пору больше занимался международными отношениями. Уж сейчас не помню все темы, но в основном это были советско-индонезийские отношения, отношения Индонезии с другими странами и так далее.

ВГ: Какую тему вам дали для диплома? И в каком году была защита?

АД: В 1960 году. Тема – по-моему, по внешней политике Индонезии.

ВГ: По современной политике?

АД: Да, вполне. В древность я никогда не вдавался, хотя осмысление нынешних процессов, конечно, иногда требует обращения к прошлому.

ВГ: Момент выпуска из МГИМО был запоминающимся, или прошёл для вас дежурно и незаметно?

АД: Понимаете, в силу ряда причин, были свои сложности. Тогда у меня уже был сын, он родился в 1960 году и весной, на днях, ему будет 65. Кроме того, я там совершил одну ошибку, встретился с иностранцем, причём просто помог товарищу, который работал переводчиком. Помог ему, а меня за это отстранили от поездки, и в 1959–1960-х годах я попал на практику сначала в Союз советских обществ дружбы, а потом меня распределили в Комитет молодёжных организаций ЦК комсомола.

ВГ: Значит, у студентов была возможность поехать на практику за рубеж?

АД: Да, была, теоретически.

ВГ: А что это была за практика?

АД: Работать в посольстве переводчиком.

ВГ: Но вы «провинились», и поэтому вас не послали...

АД: «Провинился», да. Но в институте я получил и военное образование – военный переводчик. И, выйдя из института, я получил звание младшего лейтенанта. Год я пробыл в Комитете молодёжных организаций, а потом меня вызывают в военкомат и говорят, что призывают на действительную службу в качестве военного переводчика. Я тогда уже в ЦК комсомола работал, но ЦК комсомола за меня не вступился, сказали, что неприлично отстаивать своего работника от военной службы. Но что всё же сделали – у меня лежал ордер на комнату, и они его не отменили. Мне дали комнату, куда я поселил жену и сына, а сам улетел. Потом они присоединились ко мне во Владивостоке, и

там я прослужил год. В общем, тогда это была почти трагедия – из Москвы, да во Владивосток, из Аппарата ЦК ВЛКСМ – в армию!..

Лейтенант А.Ю. Другов. Пока младший. Но уже в строю!

ВГ: В «сапоги»?

АД: Простите, это флот! Какие сапоги? Ботинки! Сейчас должен признать, что такую школу, как я получил в армии, я бы, скорее всего, не получил нигде. Потому что во Владивостоке это было всё, начиная с подводной лодки... На подводной лодке обучались индонезийские моряки. Кроме всего прочего, и политинформации приходилось вести, и то, и другое, и третье – и так целый год. Потом меня приняли кандидатом в партию. На острове Русском, между прочим. А потом вызвали и сказали, что из Москвы пришло предложение отправить меня в командировку в Индонезию. Этот вопрос долго решался, мой командир очень сопротивлялся, как потом сам сказал. Но всё-таки в 1962 году мы, втроём с женой и сыном, отправились в Индонезию, где я прослужил два года. Повторяю, что это была уникальная языковая, политическая, человеческая школа – какая угодно! Для начала, это был просто самый широкий диапазон – от морга до президента.

ВГ: Понимаю, как у всех нормальных практикующих переводчиков.
АД: Да, да. Вот сейчас я в своей области почти легендарная личность, потому что я два или три раза переводил *Сукарно*⁷. Один раз – когда он приезжал на аэродром осматривать наши самолёты Ту-16КС, которые мы поставляем, в том числе реактивные, ракетноносцы и истребители. И ещё два раза – когда он встречался с нашими космонавтами.

⁷ Сукарно (1901–1970) – первый президент независимой Индонезии (1945-1967). Подробнее см.: Другов А.Ю. Глава 2. Сукарно. История и современность / В кн. Многоликая элита Востока, Том 2 (Коллективная монография) / отв. ред. и сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020 С. 280-375.

Меня прикрепили к *Николаеву, Терешковой и Быковскому*⁸. Когда они были в Индонезии в 1963 году, и Сукарно их дважды принимал, я с ними был у него.

Встреча В.Н Терешковой и фото с автографами советских космонавтов (Индонезия, 1963)

Но, повторяю, что это было важно ещё и потому, что там был очень интересный опыт политического и человеческого общения. Был старший группы военных специалистов – контр-адмирал, а потом уже вице-адмирал *Чернобай*⁹, выходец из глухой украинской деревни. Он прошёл свою

⁸ Советские космонавты *Быковский Валерий Фёдорович* (1934–2019), *Николаев Андриян Григорьевич* (1929–2004), *Терешкова Валентина Николаевна*.

⁹ *Чернобай Григорий Корнеевич* (1915–1995) – вице-адм. ВМФ СССР (1963), к.воен.-мор.н. (1974). Род. в Полтавской губ. Окончил ВВМУ им. Фрунзе. Служил на Сев. флоте, КТОФ, КЧФ. Команд. Касп. флотилией. Глава группы сов. воен. спец. в Индонезии (1961–1965).

жизненную школу: в войну командовал кораблем, потом командовал эскадрой Тихоокеанского флота, потом стал старшим группы военных специалистов, потом служил начальником штаба Черноморского флота, потом командующим Каспийской флотилией, и закончил карьеру начальником факультета Военно-морской академии в Ленинграде, где защитил диссертацию о порядке набора в армию. Так вот, он отличался тем (и меня отчасти научил этому), что у него были фантастические дипломатические способности! Когда Чернобая поручали довести до той стороны что-то из Москвы, он вёл себя так, что собеседник-индонезиец воспринимал это так, будто это исходит от него самого, собеседника. У Чернобая был, например, любимый прием: «Знаете, в прошлый раз вы говорили мне, а я не сразу понял, а вот сейчас – вы были совершенно правы!..»

Старший группы советских военных специалистов в Индонезии к.-адм. Г. Чернобай (слева) беседует с представителем правительства Индонезии во время подготовки операции по освобождению Западного Ириана. В центре – А. Другов, личный переводчик Г. Чернобая (апрель 1962)

А встречались мы (вам это ничего не скажет, но я перечислю), скажем, с генералами Насутионом¹⁰, Ахмадом Яни¹¹, маршалом Омаром Дани¹²

¹⁰ Абдул Харис Насутион (Abdul Haris Nasution, 1918–2000) – генерал, национальный герой Индонезии. Дважды возглавлял Национ. армию – как предс. Объединённого комитета нач. штабов (1955–1959) и как нач. штаба (1962–1965). Министр обороны Индонезии (1959–1965). Предс. Временного Народного консулт. конгресса (1965–1972).

¹¹ Яни Ахмад (Ahmad Yani, 1922–1965) – военачальник, ген.-лейт., нац. Герой Индонезии. Нач. штаба сухоп. войск Нац. армии Инд. (1963–1965). Убит мятежниками в своём доме при попытке гос. переворота, совершённой группировкой «Движение 30 сентября».

¹² Дани Омар (Omar Dhani, 1924–2009) – военачальник, маршал Нач. ГШ авиации (1962–1965). После краха попытки госпереворота, устроенной военной группировкой «Движение 30 сентября», обвинён в сотрудничестве с мятежниками и приговорён к пожизненному заключению, позже амнистирован. Умер в Джакарте.

(главкомом ВВС), *адмиралом Мартадина*¹³ (главкомом ВВС) – это примерно так же звучит, как у нас, скажем, маршалы Малиновский, Жуков, Огарков. Вот так это в Индонезии это звучит. В общем, это была особая языковая и политическая школа! И потом, я всё-таки – не совсем, но отчасти – более-менее узнал Индонезию изнутри. Не только на дипломатическом уровне. Это была прекрасная школа! По возвращении...

ВГ: Секундочку, мы немного торопимся! Судя по всему, в институте у вас были не только и «самолёты», но и «девушки». И вы рано женились, ещё студентом.

АД: Я женился после пятого курса.

ВГ: После окончания МГИМО?

АД: Нет, у нас там было 6 лет учёбы.

ВГ: То есть вы успевали и «самолёты», и «девушки»?

АД: Я не на своей, я на стороне женился!

ВГ: Как раз это я и хочу спросить – ваша жена не имела отношения к МГИМО?

АД: Нет, это был Областной педагогический институт. Причём, поскольку в 1959 году мы поженились, я-то был тогда ещё студентом, а она, ровесница, уже закончила Областной педагогический, и её отправили преподавать не куда-нибудь, а под Коломну.

ВГ: Как же вы встретили и присмотрели свою супругу?

АД: Это было всё случайно. Совершенно случайно я был на вечере выпускников в Лианозовской школе. Одна соученица сказала: «Приходи завтра к нам на вечер Педагогического института!» И вот там, на том вечере, я и встретил Юлию Тимофеевну.

ВГ: Какая была у вашей супруги девичья фамилия?

АД: Юлия Тимофеевна Нестеренко. Фамилия украинская, но это Ростовская область, там есть немножко хохлацкого в языке, но там и казаки, и такой «конгломерат».

¹³ *Мартадина Раден, Эди* (R. E. Martadinata, 1921–1966) – адмирал ВМС и дипломат, нац. Герой Индонезии. Считается одним из основателей ВМС Индонезии.

А.Ю. Другов с супругой Юлией Тимофеевной, сыном и внуком

ВГ: Какая специальность у неё была?

АД: Химия и биология. Она преподавала, потом уже пришёл срок родов, она вернулась в Москву, и так здесь, естественно, осталась. Потом в Индонезии она немножко поработала в аппарате и с группой специалистов, и даже в посольстве. Когда мы снова приехали в Москву, она немножко преподавала, потом прошла курсы Госплана и закончила карьеру работой в Министерстве промышленности строительных материалов, заведовала экономическим отделом в одном из главков. Она скончалась в 2002 году.

ВГ: Прошу уточнить важный момент. Во время службы во Владивостоке, кому Вы переводили и читали политинформации?

АД: Индонезийцам.

ВГ: Что это было за подразделение? Вы сказали подводники?

АД: Да, индонезийские подводники...

ВГ: Там только подводники были?

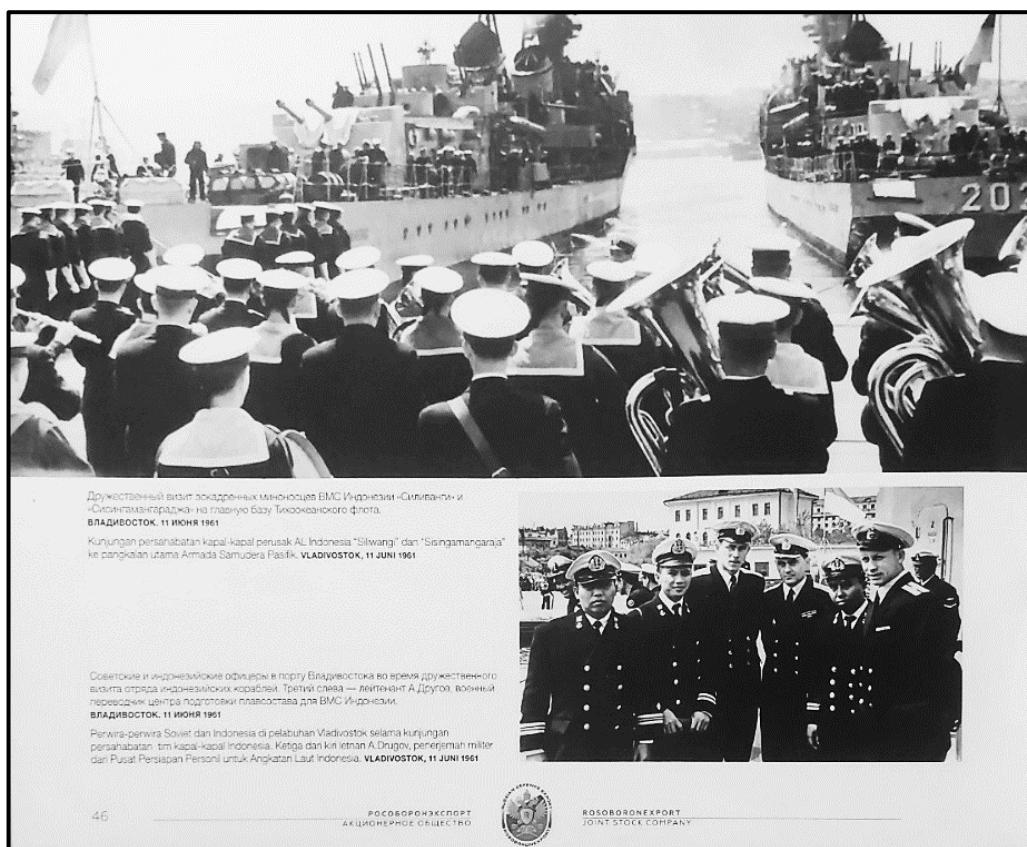
АД: Только подводники. Это был учебный отряд подплава, и мы там обучались, четыре команды подводников, примерно по 70 человек каждая. Сначала это были лекции, а потом мы выходили с ними в море.

ВГ: Они осваивали все это на практике? Были походы?

АД: Да, да! Надо сказать, это очень талантливая нация, способная нация.

ВГ: Каков был срок стандартный обучения у тех четырёх команд?

АД: Был одинаковый срок, по-моему, где-то 7 или 8 месяцев.

А.Ю. Другов с группой индонезийских офицеров во время дружественного визита эсминцев ВМС Индонезии во Владивосток (11.06.1961)

ВГ: Затем они оканчивали и уезжали на родину?

АД: Приходил корабль, и их увозили. А лодки уже мы доставляли сами.

ВГ: После них были ещё новые группы?

АД: Нет, по-моему. Мы обучили эти четыре группы, а остальных обучали уже на месте. Потом на их место прибыли экипажи сторожевых кораблей.

ВГ: А те четыре группы приезжали поочередно или одновременно?

АД: Сразу.

ВГ: Уже в Индонезии вы занимались примерно той же или другой работой?

АД: Нет, там с ними советские специалисты занимались. Я-то служил при адмирале Чернобае и переводил все его переговоры на высшем уровне.

ВГ: Выходит, у вас была уникальная позиция, позволявшая очень многое увидеть, услышать и понять лично, да?

АД: Конечно! Я и говорю, что переводил людей, которые равны нашим маршалам Малиновскому, Огаркову, и так далее.

ВГ: А как они относились к Советскому Союзу тогда?

АД: Очень хорошо!

ВГ: Почему?

АД: А очень просто! Они в то время боролись за возвращение Западного Ириана с западной частью острова Новая Гвинея, которую голландцы оставили за собой. Собирались воевать. А мы сказали, что поможем им. Причём настолько, что при мне заместитель министра обороны Вершинин, который был тогда в Индонезии, обращаясь к нам, офицерам, в присутствии

индонезийцев сказал, что наши индонезийские коллеги собираются начать военную операцию на Западном Ириане, поэтому нам, в случае операции, следует действовать как при защите собственных границ. Вот такой мы приказ получили! Операции не было, но приказ был. И индонезийцы это ценили! Потом мы дали им оружие. Конечно, ядерного не дали, но в некоторых отношениях, особенно в авиации, оно было на уровне нашего собственного. В особенности, например, ТУ-16 КС, это носители крылатых снарядов-ракетоносцев. И МИГ-21, тогда это был наш новейший реактивный сверхзвуковой истребитель, а мы им дали. Они это знали и, соответственно, ценили. Подводная лодка наша до сих пор стоит как памятник на берегу, посреди базы в г. Сурабая.

ВГ: А вы ходили на таких?

АД: Я во Владивостоке ходил на них в море с индонезийцами. В Индонезии – нет, так как я просто был в штабе группы, не в плавсоставе.

ВГ: Понятно. А в подлодке востоковеду было некомфортно? Или вы нормально себя чувствовали? Трудно под водой переводить? Думаю, что у нас нет таких переводчиков, которые под водой переводили, кроме вас! Я, правда, переводил в подлодке, но лишь в той знаменитой С-56, что стоит как музей на набережной во Владивостоке.

АД: Вы знаете, мне было безумно интересно! Единственное некоторое неудобство – это когда тебе приходится переходить с одного корабля на другой посреди моря, по таким дощечкам – такое бывало. Или по скобам забираться наверх. А так – ну лодка и лодка. Работает. И потом, всё-таки мне было 24 года, это какой-то азарт!

ВГ: Настоящая военная жизнь...

АД: Военно-морская! Это особая статья!

ВГ: А что это дало вам в плане освоения языка? Кроме военной лексики?

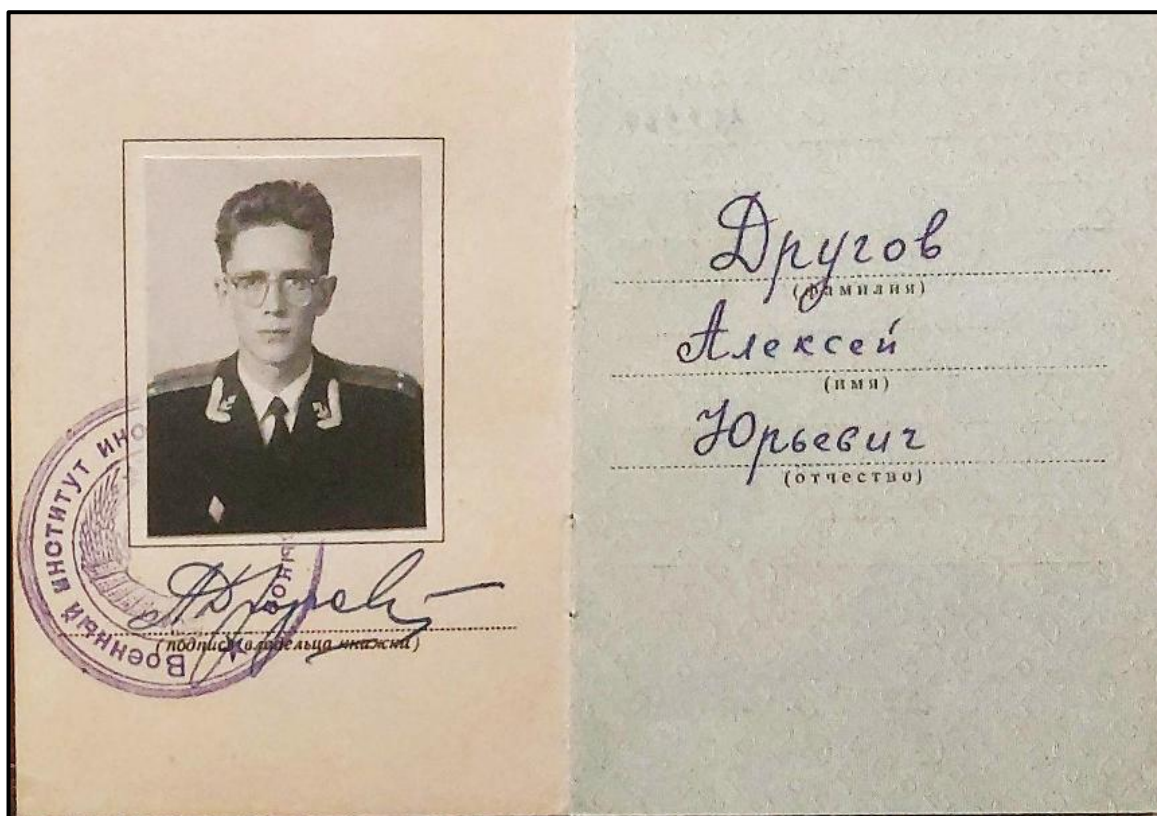
АД: Ну, мы же с индонезийцами общались с утра до вечера, так что тут и вопросы питания, тут и вопросы лечения, тут и вопросы поездок, тут и вопросы культурного обслуживания – музеи, экскурсии и всё прочее.

ВГ: То есть для вас это была отличная школа переводческая?

АД: Потрясающая, уникальная!

ВГ: И поэтому, уже оказавшись в Индонезии, вы, наверное, чувствовали себя более уверенно?

АД: Конечно!

Произведён в лейтенанты!

ВГ: А в каком звании вы служили в Индонезии? И где служили?

АД: Здесь я был младшим лейтенантом, а там дослужился всего лишь до лейтенанта. И больше я так и не получил нового звания до демобилизации. А служил в Джакарте, в столице. Хотя пришлось поездить почти по всей стране. Ну не по всей – по всей Яве, на Бали побывал, на Новой Гвинее побывал, на Амбоне побывал. На Суматре побывал. На Суматре, по-моему, с космонавтами как раз.

ВГ: Я буквально сегодня перечитывал статью, воспоминания китаевода и мидовца *Николая Трофимовича Федоренко*¹⁴ о том, как в 1950 году он переводил беседы *Сталина*¹⁵ с *Мао Цзэ-дуном*¹⁶. Там пишет, что иногда были

¹⁴ *Федоренко Николай Трофимович* (1912–2000). Китаевед, д.ф.н. (1943), профессор (1953), членкор АН СССР (1958). Окончил МИВ (1934). Служил в МИД СССР (1939–1968), ЧПП СССР (1954). Замминистра иностр. дел СССР (1955–1958), сотрудник пос-ва СССР в Китае (1940–1948, 1950–1952), ЧПП СССР в Японии (1958–1962), Пост. представитель СССР при ООН и СБ ООН (1963–1968). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1967). Главред журнала «Иностранная литература» (1970–1988). Член СП СССР (с 1970).

¹⁵ *Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович* (1878–1953). Революционер, госуд. и парт. лидер в СССР в 1920–1950-х гг. Один из вождей ВКП(б) и межд. ком. движения. Объект «культы личности».

¹⁶ *Мао Цзэ-дун 毛泽东* (1883–1976). Госуд. и полит. лидер Китая XX в. Один из основателей и лидеров КПК и ком. движения в Китае, основатель «маоизма». Один из главных лидеров КПК, а после 1949 г. – фактич. руководитель КПК и КНР. Объект «культы личности».

такие моменты, когда ему просто страшно за себя становилось. Особенно когда Сталин что-нибудь у него переспрашивал или допытывался, а в тот момент на него ещё и Лаврентий Берия смотрел внимательно. И у него были прямо-таки очень некомфортные ощущения. Когда вы переводили Сукарно, какие были ощущения? И были ли трудные моменты?

АД: Вы знаете, нет. Конечно, для меня, двадцатичетырёхлетнего парня, сидеть в машине рядом с Сукарно – это было как в храм войти! ... Страха – нет, не было. Потому что главное – не ошибиться. Там, правда, и не было таких моментов, когда ошибка привела бы к каким-то роковым последствиям. Но ответственность была – всё-таки ты переводишь генералам, министрам, и ошибка может иметь совершенно неожиданные последствия, особенно в военном деле.

ВГ: Говорят, однажды президент Сукарно даже похвалил вас!

АД: Да, как раз когда мы ехали в машине, он похлопал меня по плечу и сказал, что я неплохо говорю по-индонезийски. Спросил, где и кто обучал меня индонезийскому языку. Я ответил, что учился в Москве, а преподавал нам профессор Интойо, который раньше служил в администрации президента. Сукарно сказал, что действительно помнит Интойо, который служил в его аппарате.

ВГ: Какой-то случай есть из вашего военного переводческого опыта, который запомнился? Можно ли рассказать о нём?

АД: Нет, наверное.

ВГ: ? Может быть, были какие-то интересные фразы и выражения, какие-то курьёзные моменты?

АД: Если вспомню, скажу.

ВГ: Ладно! Я спрашиваю это потому, что только что перечитал ту статью Федоренко, опубликованную в 1988 году в газете «Правда». И там описан целый ряд таких маленьких и забавных, иногда жутковатых эпизодов.

АД: Понимаете, Сталин и Мао Цзэ-дун – это всё-таки другое дело, другая эпоха. Ещё и Берия вдобавок! Конечно, мне приходилось переводить разговоры командиров в подводной лодке во время переходов под водой. У адмирала Чернобая был свой самолёт АН-2, на котором он перемещался в Индонезии. Когда мы летали в самолёте, я сидел не в салоне с адмиралом, а в кабине лётчиков и переводил их переговоры с землёй. Вот тогда я понял, что тут нельзя ошибаться в переводе, так как от этого зависит и твоя жизнь!

ВГ: Насколько изменила вас командировка в Индонезию? Это же была для вас первая заграница?

АД: Первая заграница была. Ну, я стал опытнее. С одной стороны, стал более уверен в себе и лучше знал, что могу донести до других, когда меня назначили по возвращении преподавателем. Вдобавок я получил ещё орден за ту командировку.

ВГ: Какой?

АД: «Знак Почёта». Понимаете, для лейтенанта тогда это было, конечно важно... И я совершенно иначе разговаривал уже с учениками, со студентами,

с курсантами. Я знал, что до них несу, и что я имею на это право и основание. И я это всё своими руками, своими нервами, своей головой испытал.

Орден «Знак Почёта» – награда за службу в Индонезии

ВГ: Некоторые наши коллеги не могли поехать в Китай на практику в те годы, когда мы враждовали с Китаем. Один из них вспоминал, что ему бывало очень неловко, когда студенты спрашивали, например, какое пиво пьют в Китае. А он не знал, потому что вообще в Китае не был и даже не пробовал это пиво. Вы, конечно, индонезийское пиво пробовали?

АД: Пробовал, да.

ВГ: Когда вы впервые попали в Индонезию, в свою первую «заграницу», какие всё же были ощущения? У вас как советского человека и молодого парня?

АД: Было интересно. Наконец-то вот это моё, это моя профессия! Смотри, учись, учись, учись!

ВГ: Не страшно было?

АД: Нет, нет. Они очень дружелюбный народ. По-разному, конечно, но в принципе очень дружелюбный народ, и особенно когда с ними разговариваешь на родном языке.

ВГ: Вы говорили на официальном, бахаса Индонесия, или там диалекты ещё?

АД: Там примесь диалектов немножко бывала, но всё-таки общались на бахасе, диалектами я почти не владею.

ВГ: И, как вы сказали, за два года удалось очень хорошо попутешествовать по Индонезии?

АД: Да, я уже сказал, что был несколько раз в Сурабае, был в Джокьякарте, был на острове Бали, куда мы летали с Чернобаем к *Вершинину*¹⁷. Был с ним на Новой Гвинее в 1963 году. С космонавтами был на Суматре.

ВГ: Командировка окончилась когда срок вышел, или по иным причинам?

АД: Срок кончился. Я вернулся и получил назначение в Военный институт иностранных языков, где преподавал индонезийский язык.

ВГ: Просто преподавали индонезийский язык курсантам?

АД: Да. Один год преподавал, а потом мне предложили другую работу. Мой соученик по институту уже работал в аппарате ЦК КПСС, и ему надо было уезжать в командировку по той же линии. Он искал замену и, поскольку я к тому времени уже был партийный, он предложил меня. Хотя в зарплате я потерял где-то рублей 50 на этом... Меня брали младшим референтом, а как преподаватель я получал 240 – много по тем временам... да ещё всякие там надбавки... Короче говоря, я понял, что мне всё-таки важнее ... у военных преподавателей карьера ограничена, хотя у нас был преподаватель *Тесёлкин Аvenir Степанович*¹⁸, который закончил карьеру полковником. Конечно, мне никто не мешал защищаться, расти по военной линии, и так далее. Короче говоря, я согласился, и с 1965 до 1991 года отработал 26 лет в ЦК КПСС, на Старой площади, 3-й подъезд.

ВГ: Это была чисто административная работа? Какое она имела отношение к вашей специальности, если имела вообще?

АД: Самое прямое! Процессы в коммунистическом движении в Индонезии – тогда это было более чем актуально, учитывая проводимую там антикоммунистическую политику. Индонезийской коммунистической эмиграцией я занимался. Она была здесь, в Москве. Она была и в Китае, а с Китаем у нас всё время были противоречия. Были две эмиграции, вот нашей эмиграцией я как раз и занимался. Но в моём ведении, в смысле процессов, были не только Индонезия. Были и Малайзия, и Сингапур. Но там у нас связей с коммунистами не было, конечно. И вообще, мы участвовали в обсуждении документов внешнеполитического характера... Иногда это были совместные с Министерством иностранных дел записки в ЦК и так далее. Очень разная была работа. Плюс к этому я выступал с лекциями, и у меня были уже довольно тесные связи с нашими пропагандистскими организациями. Они часто обращались ко мне за статьями и комментариями. Не знаю, чем они руководствовались, моими ли способностями или тем, что за меня отвечать не придётся, если что-то не так. И потом, у нас был замечательный курирующий зам.зав. *Ростислав Александрович*

¹⁷ *Вершинин Константин Андреевич* (1900–1973) – военачальник, главком ВВС СССР (1946–1949, 1957–1969), Главный маршал авиации (1959), Герой Советского Союза (1944). Член ЦК КПСС (1961–1971). Деп. Верх. Совета СССР II (1946–1950), IV–VII (с 1954) соз.

¹⁸ *Тесёлкин Аvenir Степанович* (1930–2016) – востоковед, лингвист, лексикограф, специалист по индонезийскому и яванскому языкам. К.ф.н. (1963). Окончил МИВ (1954). Сотрудник ИВ АН СССР (1956–1961). Преподаватель ИВЯ (ИСАА) при МГУ (1952–1966), ВИИЯ (1964–1982), Восточного ун-та / Ин-т стран Востока (1994–2016). Дир-р Госуд. музея искусств народов Востока (1982–1985). Преподавал индонезийский язык.

Ульяновский¹⁹, который мне как-то сказал: «Алексей Юрьевич, знаете, не век вам работать в ЦК. Вы бы всё-таки наукой занялись!» Причём он довольно рано это сказал.

Ульяновский Ростислав Александрович (1904–1995)

У нас тогда привлекали учёных для справок и консультаций, и я познакомился, даже подружился с некоторыми из них, в том числе и с сотрудниками Института востоковедения. Среди них был *Александр Борисович Резников*²⁰, удивительно интересный человек! О нём можно отдельно рассказывать. Он уже был кандидатом наук, имел опыт научной работы, и я откровенно был при нём, так сказать, как...

¹⁹ Ульяновский Ростислав Александрович (1904–1995) – советский востоковед-индолог, хозяйственный и политический деятель, д.э.н. (1963), Засл. деятель науки РСФСР (1984). Окончил МИВ (1930). Зам. глав. ред. журнала «Советское востоковедение» (с 1957). Зам. дир. ИВ АН СССР (1958–1961). Сотрудник Международного отдела ЦК КПСС (1961–1986).

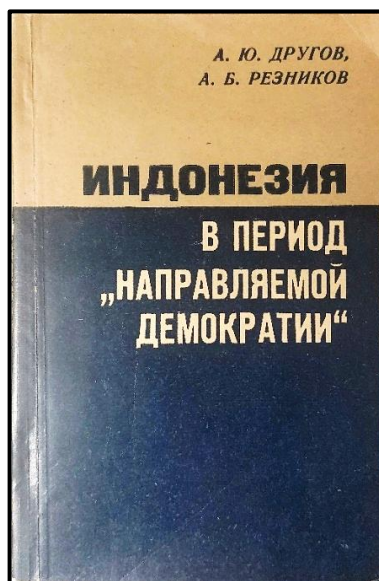
²⁰ Резников Александр Борисович (1931–1980) – востоковед, д.и.н. (1975). Сотрудник ИВ АН СССР (1960–1966), ИМРД (1966–1980). Изучал стратегию и тактику Интернационала по национально-колониальному вопросу, коммунистическое движение в Индонезии, Индии, на Филиппинах. Развитие Индонезии в период «направляемой демократии» и т.д.

Резников Александр Борисович (1931–1980)

ВГ: Как ученик?

АД: Как ученик, да. Мы писали вместе, и написали книгу «Индонезия в период направляемой демократии»²¹. Но дальше я писать с ним вместе уже не стал, потому что если на первом этапе я был при нём в общем-то учеником, то потом меня обвинили бы в том, что сотрудник ЦК «присосался» к талантливому учёному. Я не мог себе это позволить и стал работать самостоятельно. Защитил кандидатскую диссертацию...

²¹ Другов А.Ю., Резников А.Б. Индонезия в период направляемой демократии. Москва: Наука, 1969. 96 с.

ВГ: Извините, немножко перебую! Как всё-таки повлияли на ваши настроения и на вашу работу те перипетии, пертурбации и перевороты, которые происходили в Индонезии в то время, в 1960-е годы?

АД: Что значит – как повлияли? Они были предметом тщательного отслеживания, анализа и внесения соответствующих предложений. Причём, надо бы иметь в виду, что как Коммунистическая партия мы, естественно, страдали и выражали солидарность со страдающими единоверцами нашими. Но в то же время мы исходили из того, что ни мы, ни Индонезия в целом (не режим, а Индонезия в целом) не заинтересованы в том, чтобы доводить дело до разрыва отношений. Поэтому, в отличие от Китая, мы всё-таки осуждали режим, но осуждали по сугубо партийной линии. В государственных отношениях это почти не сказывалось, так скажем. И нам в общем удалось это сделать, настолько, что *Сухарто*²², который пришёл к власти в результате того переворота, всё-таки был осторожен... Он ещё вдобавок был националистом, поэтому знал, что особенно на Америку положиться нельзя, и поддерживал с нами отношения, и даже приехал в Москву в 1989 году²³. Я его видел в Кремле на приёме.

ВГ: События тех лет повлияли на выбор темы вашей диссертации?

АД: Да, конечно! Тема кандидатской диссертации у меня была «Политическое развитие Индонезии в 1965–1971 годах»²⁴.

ВГ: Как раз те годы.

АД: Как раз, да. А потом, уже когда я уже здесь работал, мой соученик по институту Игорь Подберезский сказал: занялся бы ты политической культурой! Я стал размышлять, понял, что это очень интересно, и стал заниматься! Пытался защититься здесь, в Институте востоковедения, но мне сказали, что это не история, а политология, что диссовета по политологии у нас здесь нет. Ну нет, так нет! Мне помогли и приняли в Институте стран Азии и Африки МГУ, где я защитил докторскую диссертацию. Это было в 1997 году.

ВГ: А кандидатскую защитили в 1972 году?

АД: Да, кандидатскую в 1972 году, в этом институте, но не в этом здании.

ВГ: Тогда институт востоковедения был в Армянском переулке, дом 2.

АД: Да.

ВГ: А оппоненты у вас были серьёзные? Или номинальные?

²² *Сухарто* (1921–2008), с 1991 – генерал, и.о. президента (1967–1968), второй президент Индонезии (с 27 марта 1968 по 21 мая 1998). Подробнее см.: Другов А.Ю. Глава Сухарто – второй президент Индонезии. К капитализму по-индонезийски / В кн. Многоликая элита Востока, Том 3: (Коллективная моно-графия) / отв. ред. и сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021 С. 93-187.

²³ В 1989 г. президент Индонезии генерал Сухарто посетил СССР. По итогам визита было принято совместное Заявление об основах дружественных отношений и сотрудничества.

²⁴ Другов А.Ю. Политическое развитие Индонезии в 1965–1971 гг. [Текст] : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / АН СССР. Ин-т востоковедения. Москва: [б. и.], 1972. 21 с.

АД: Да, конечно, всё было достаточно интересно и серьёзно! Причём надо сказать, что на мне была особая ответственность, понимаете? Когда приходит защищаться работник ЦК, всегда есть такое подозрение: а не пользуется ли он своим положением? Ну, и потом мне сказали, что ... ничего! – Диссертация всё-таки ничего...

ВГ: Не хотелось бы ограничиться в нашей беседе просто названием темы диссертации. Мне, например, интересно спросить, каковы были основные и самые интересные выводы в вашей кандидатской диссертации?

АД: Интересные выводы, конечно, были. Самые важные выводы заключались в том, что это переход страны на капиталистический путь развития, в отличие от тех социалистических идей, которые провозгласил Сукарно. Что коммунисты не собирались устраивать там переворот. Об этом пишу, что не собирались они переворот устраивать. О соответственной роли Америки и всего прочего.

ВГ: Но там же был ещё очень мощный китайский фактор. Вы его рассматривали?

АД: Китайский фактор я рассматривал, да. Но с Китаем было очень сложно, потому что китайский фактор очень сильно использовался против компартии Индонезии. Её близость к Пекину в значительной степени ослабляла её позиции и создавала повод. А Китай не порвал, он заморозил отношения и, соответственно, их посольства уже не было в Джакарте.

ВГ: Хорошо. Вы защитились и после этого продолжили службу в ЦК?

АД: А я и не прерывал её.

ВГ: Да. Но при этом параллельно занимались наукой и дальше?

АД: Занимался наукой, да.

ВГ: Как это удавалось? Мы знаем, что в некоторых наших государственных ведомствах до сих пор принято считать, что сотрудник должен тратить на свою работу сто процентов времени и, возможно, ещё немного личного времени. Как тогда удавалось вам найти какой-то баланс для себя?

АД: Мне удавалось. Что касается моего руководства, то, с одной стороны, сам курирующий зам, профессор Ульяновский сказал: «Занимайся наукой!» Но всё остальное – моё личное дело, и к служебным обязанностям это не имело никакого отношения. И рабочий день был неограничен, это центральный аппарат, какое там ограничение?!

ВГ: То есть там был свободный график?

АД: Нет, наоборот. Это значит, что я не мог сказать – вот кончился рабочий день, я пошёл домой. Но тем не менее удавалось и писать, и публиковать.

ВГ: Вашу кандидатскую диссертацию вы переработали в монографию?

АД: Да.

ВГ: Это была, по-моему, первая ваша монография «Индонезия после событий 1965 года»²⁵. Когда вышла монография?

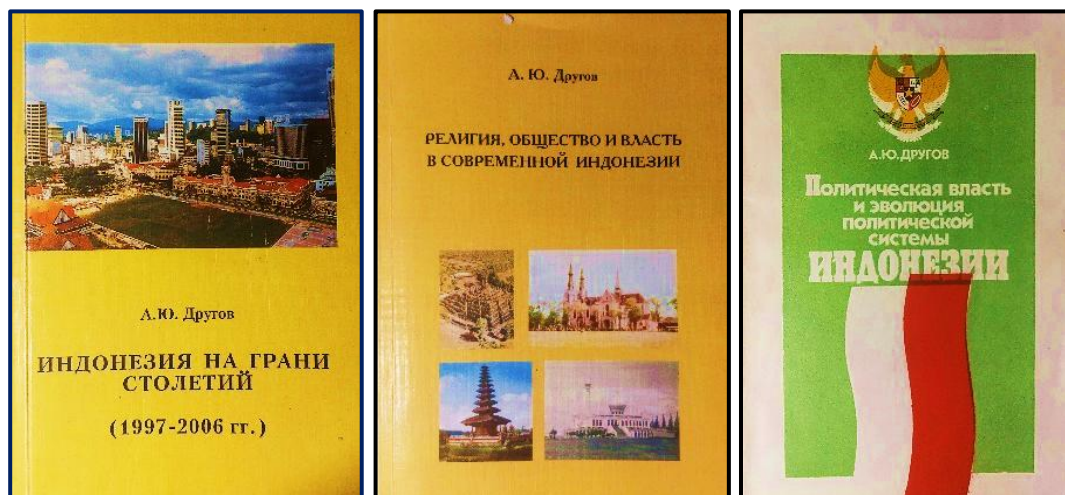
АД: Да, это 1973 год. Она вышла под псевдонимом Алексей Юрьев.

²⁵ Юрьев, Алексей Юрьевич. Индонезия после событий 1965 года [Текст] / АН СССР. Ин-т востоковедения. Москва: Наука, 1973. 256 с.

ВГ: Как-то поменялись ваши интересы дальше, после издания монографий?

АД: Вы знаете, интересы не поменялись. Если сначала, на каком-то этапе, я больше интересовался внешней политикой как «мгимовец», то тут всё-таки сосредоточился на внутренней политике и продолжал ей заниматься. И, в общем, ей посвящены все основные работы потом, и по Сукарно, и по другим, и сейчас. Конечно, иногда я отвлекаюсь на внешнюю политику, потому что приходится заниматься и отношениями с Америкой. Сейчас, вы же знаете, мы довольно свободны в выборе, особенно в моём положении. Я сам отслеживаю, что в Индонезии происходит, и от меня зависит выбор темы – то, что я считаю актуальным.

ВГ: Что повлияло на ваш уход из ЦК? Развал Советского Союза?

АД: Да, конечно! То есть не уход, а прекращение работы. Я уходил под свист идиотов, которые бесновались у наших дверей, которых я называю «ебноидами». Подозреваю, что кто-нибудь из них сейчас спохватился и

думает: «Что же мы наделали?». Но раньше им думать надо было! Но должен сказать, что у меня взаимоотношения с институтом были такие, что в этот же вечер мне позвонили из Института востоковедения и сказали, что, если у меня нет другого выбора, то меня будут рады видеть здесь. Вот с тех пор я здесь.

ВГ: А кто звонил, вы не помните?

АД: Звонили по поручению Чуфрина. *Чуфрин Геннадий Илларионович*²⁶ – очень известная фигура. Здесь, в институте, он был когда-то даже заместителем директора.

ВГ: При директорстве *М.С. Капицы*²⁷?

АД: Да. И Капица меня принимал. Не для публикации: это ему стоило некоторых трудностей, потому что было некоторое «шипение». Он троих нас взял в институт из международного отдела ЦК, в том числе *Евгения Васильевича Кобелева*²⁸ (он потом перешёл в другой институт), а по Индии взял ныне покойного Феликса Николаевича Юрлова²⁹. Он потом, как и Кобелев, ушёл в другой институт. И вот Капица вынужден был обещать, что, в случае сокращения, он сократит нас в первую очередь. Но сокращения не было с тех пор, как вы знаете.

ВГ: 1990-й и 1991-й годы были не лучшими временами для нашей науки.

АД: Да, для всей страны!

ВГ: И для нашего института, в частности. Как вы пережили те 1990-е годы?

АД: Ну как пережил... Зарплату не платили. Переводами немножко подрабатывал. Но тут в это время *Нэлли Михайловна Хрящева*³⁰ создала свой институт, Восточный университет, и предложила мне там преподавать. Я стал преподавать и преподавал там, пока они отсюда не выехали на Нахимовский проспект. Сюда мне с «Октябрьского поля» ездить было недалеко, а туда в

²⁶ *Чуфрин Геннадий Илларионович* (1935 г.р.) – востоковед-экономист, д.э.н. (1982), профессор (1990), академик РАН (2016). Окончил фак-т иностр. яз. ЛГУ (1958). Работал в внешнеторговых и дипломатических представительствах СССР в Индии, Индонезии, Пакистане. Сотрудник отдела ЮВА, зам. дир. ИВ АН СССР (1979–1997), зам. дир. ИМЭМО (2002–2008). Область исследований: экономика, международные отношения.

²⁷ *Капица Михаил Степанович* (1921–1995). Востоковед, учёный и дипломат. Д.и.н. (1958), профессор (1960), членкор АН СССР (1987). Сотрудник МИД СССР (с 1943), ЧПП СССР (1960). Директор ИВ АН СССР (РАН) (1987–1994).

²⁸ *Кобелев Евгений Васильевич* (1938–2025) – вьетнамовед, к.геогр.н. (1959), д.э.н. (1984). Окончил ИВЯ при МГУ (1962). Член Союза журналистов СССР (с 1968). Сотрудник ВКШ при ЦК ВЛКСМ (1961–1964), ТАСС (1964–1968), отв. работ. ЦК КПСС (1968–1991). Сотрудник ИВ РАН (1991–2008), ИДВ РАН (с 2008). Специалист по новейшей истории Вьетнама, ист. коммунист. движения в Индокитае. Автор книги «Хо Ши Мин» в серии ЖЗЛ.

²⁹ *Юрлов Феликс Николаевич* (1932–2025) – востоковед-индолог, д.и.н. (1989). Окончил МГИМО МИД СССР (1955). Сотр. Изд-ва лит-ры на иностр. языках (1955–1962). На дипломат. и парт работе (1962–1991). Сотрудник ИВ РАН (1967–1970 и с 1991).

³⁰ *Нэлли Михайловна Хрящева* – к.э.н., основатель, ректор, президент (с 2023) и преподаватель Восточного университета, созданного на базе ИВ РАН (1994–2010). Переименован в Институт стран Востока (2010– наст. вр.).

моём возрасте уже было трудновато, сейчас было бы тем более. Но добрые отношения у меня с ними сохранились, и они каждый год приглашают меня на День открытых дверей, чтобы я рассказал, почему надо заниматься Востоком. И я это делаю.

ВГ: В процессе преподавания вы даже написали курс по истории Индонезии и учебные пособия, не так ли?

АД: Совершенно верно. Дело в том, что у Университета свои возможности, и я публиковал у них там эти работы под двойным грифом: Восточного университета и Института востоковедения. Издал две монографии и ещё курс по страноведению. То, что нужно первокурснику знать об Индонезии. Свой курс лекций издал.

ВГ: Кто работал вместе с вами по Индонезии в те 1990-е годы? Много ли было специалистов по Индонезии?

АД: Вы знаете, тогда ещё много.

ВГ: Много – это сколько?

АД: По крайней мере, человек десять. Только здесь это была *Людмила Фёдоровна Пахомова*³¹, тот же Чуфрин, могу всех перечислить.

ВГ: Давайте перечислим. Это всё-таки наши коллеги!

АД: *Ионова Алла Ивановна*³², *Евгения Петровна Заказникова*³³, по Индонезии. По другим странам – естественно, *Симония Аида Алексеевна*³⁴. Симония работает по Бирме. А из здешних я бы назвал, в первую очередь, конечно, Резникова Александра Борисовича. Резников здесь тоже начинал, но потом довольно скоро перешёл, ещё до распада СССР, в Институт международного рабочего движения. *Шабалина Галина Семёновна*³⁵ работала. Вот и все, пожалуй. Да вот, *Жарова Владимира Александровича*³⁶ ещё надо, конечно, вспомнить – заведующего отделом Юго-Восточной Азии. Он тоже индонезистом был.

³¹ *Пахомова Людмила Фёдоровна* (1931–2016) – востоковед, к.э.н. (1964). Окончила МГИМО МИД СССР (1955). Переводчик-синхронист, переводила переговоры советских руководителей с президентом Сукарно в Индонезии. Сотр. ИВ АН (с 1960).

³² *Ионова Алла Ивановна* (1936–?) – востоковед, д.и.н. (1980), профессор (1995). Окончила ист. фак-т МГУ (1958). Сотр. ИВ АН СССР (1958–1986). Ин-та научного атеизма при ЦК КПСС (1986–1991), Российской академии управления (с 1991).

³³ *Заказникова Евгения Петровна* (1927–2015) – востоковед, к.и.н. (1958), вед. иссл-тель профсоюзного и рабочего движ. в Ю.-В. Азии. Окончила ист. фак-т МГУ (1950), сотрудник Институт народов Азии АН СССР (1950). Ст. науч. сотр. ИВ АН (с 1979). Работала в Культурном центре СССР в Индонезии, г. Джакарта (1970–1972).

³⁴ *Симония Аида Алексеевна* (1944 г.р.) – бирманист, к.э.н. (1976). Окончила вост. фак-т ЛГУ (1969). Стажёр Ранунгского ун-та в Бирме (1967–1968). Сотрудник ИВ РАН (с 1969).

³⁵ *Шабалина Галина Семёновна* (1927–?) – востоковед, к.э.н. (1955). Окончила ист. фак-т МГУ (1950). Была командирована в Индонезию (1960–1961). Ст. редактор Госполитиздата (1954–1956). Сотрудник ИВ РАН (с 1956).

³⁶ *Жаров Владимир Александрович* (1924 – ?) – индонезист, к.и.н. (1959). Окончил МГИМО МИД СССР (1950). Сотрудник газеты «Правда» (1950–1953), пос-ва СССР в Индонезии (1959–1961), ИВ АН СССР (1962–1991). Исследовал историю борьбы индонезийского народа за независимость. Заведовал отделом ЮВА ИВ АН СССР.

ВГ: Вы с кем-то дружили в отделе у себя, в институте?

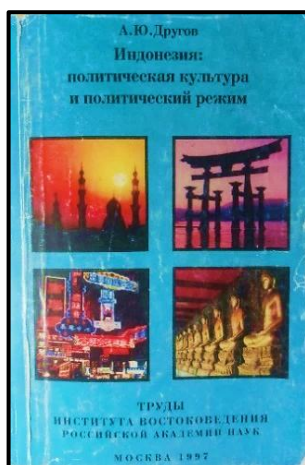

На работе с коллегами

АД: В институте товарищеские отношения у меня были, а домами – только с Резниковым. Но это уже потом было, он уже не здесь работал. У меня со всеми были хорошие отношения, но так чтобы дружить домами – нет.

ВГ: Как вы подошли к теме своей докторской диссертации?

АД: Я уже упоминал, что был такой Игорь Подберезский, и он сказал: возьми политическую культуру! Я стал задумываться, и для начала решил определить для себя, что это такое. Я пришёл к выводу и изложил это там, и из этого исхожу до сих пор, что «политическая культура» личности и группировки, и, может быть, даже нации заключается в оценке, видении своего положения между реальностью, властью, и принятием этого положения – неприятие этого положения. И под этим углом зрения рассмотрел Индонезию. Политическая культура, давайте так скажем, это когда подданные императора полагают, что он послан богом и подчиняются не ему, а высшей власти – это и есть политическая культура. Это и есть восприятие своего места – мне Господь диктует, мне главное – понять, что Господь диктует. Это тоже «политическая культура».

ВГ: Но тема «политической культуры» и подходы, о которых вы говорите, на самом деле не очень такие марксистские, в привычном понимании нашем слова. Как вы вырабатывали эти новые подходы для себя лично?

АД: Почему? Простите, пожалуйста! А что не совпадает с марксизмом? Давайте так: бытие определяет сознание, а всё остальное – детали. Вот и всё!.. А потом уже смотришь, и у Маркса что-то находишь, и уже там где-то ещё.

ВГ: Но, всё-таки, идея о богорожденности или богосотворении императора – это не от бытия, это, скорее, из головы. Это идеальное представление, которое тоже определяет и сознание, и материальную жизнь.

АД: Это другой вопрос. Относительно обожествления императора – тоже не само пришло, кто-то внушил.

ВГ: Ну, хорошо, коллеги тогда посоветовали – и вы стали думать. Наверняка стали смотреть какие-то материалы... Искали ли вы для себя какие-то новые методики, методологи и разработки, допустим, уже не только российских, но и каких-то зарубежных коллег? Историографию зарубежную изучали?

АД: Ну, конечно.

ВГ: Кто на вас повлиял существенным образом?

АД: Надо сказать, что и индонезийских, и американских работ и авторов очень много было всяких. И наших тоже. Всех не перечислишь. Может, самый-самый интересный это, конечно, был Сукарно. Причём, всякий Сукарно. И там, где он прав, и где он неправ. То есть – интересно понять, почему он неправ. И так далее, и так далее. Потом, то, чего на Западе нет, или почти нет: видение социального интереса, который просматривается иногда за самыми прекраснодушными делами. Это надо всегда учитывать и, в конце концов, обязательно обнаружишь какой-то классовый интерес. Как и у нас. Переворот 1991 года – это переход на капиталистическое развитие. Всё остальное – «демократия» – это всё болтовня. А основное – это то, что можно неограниченно обогащаться, неограниченный разрыв бедности и богатства... Скажу вам так: когда я работал в ЦК на достаточно хорошей должности, мой оклад примерно соответствовал зарплате доктора наук.

ВГ: Это около 500 рублей.

АД: Почти 500 рублей, да. Правда, у меня были ещё некоторые привилегии – там санатории и всё прочее, но профессор и доктор наук имел право работать

по совместительству, что он обычно и делал. А я – нет. Я мог там на «тридцаточку» в месяц комментарий какой-нибудь написать – но это так...

ВГ: Всё-таки сколько была у вас, 400 рублей?

АД: 450, по-моему.

ВГ: Но вы говорили, что ещё читали лекции в обществе "Знание"?

АД: Я читал, но не за деньги, бесплатно. Я по линии ЦК ездил с лекциями, ну и так далее. Если сейчас сравнить доктора наук с соответствующим по положению чиновником, то, я думаю, это будет совершенно несоизмеримо. Поэтому – за что боролись, на то и напоролись.

ВГ: Но всё-таки трудные 1990-е годы вы пережили довольно успешно, потому что вписались в научную стезю, защитили докторскую и активно преподавали.

АД: Ну да, вписался, но вписался я раньше, в общем-то. Потому что в Институте востоковедения я всё-таки был своим человеком уже раньше. Меня уже знали, и в принципе за мной уже были несколько работ...

ВГ: А в ИСАА вас не приглашали преподавать?

АД: Нет, по-моему.

ВГ: А почему же тогда вы там защищались? Потому что у них Диссовет был?

АД: У них был Диссовет по политологии, а здесь нет. Только поэтому.

ВГ: Понятно. Как прошла защита в ИСАА?

АД: Нормально абсолютно.

ВГ: Судя по биографической справке, это был 1999 год?

АД: 1999 год, да.

ВГ: После защиты докторской что-то изменилось в вашей жизни? Кроме получения новой степени?

АД: Нет, наверное. У меня всегда были в общем-то хорошие, уважительные отношения с моими коллегами. Они меня оценивали по достоинству или даже несколько выше, поэтому мало что изменилось... ну да, ну доктор и доктор... Кстати, а кто справку составлял такую подробную обо мне? Я с интересом на нее смотрел.

ВГ: В интернете ваша биография имеется, я скомпилировал общие сведения.

АД: Всё это прекрасно, но ничего личного не осталось уже.

ВГ: Сужается личное информационное пространство.

АД: Да.

ВГ: Вот вы уже 34 года служите в институте и видели наш институт, наверное, в самые тяжёлые времена, в начале 1990-х годов. Если взглянуть на эти 34 года как историку, в динамике, то как менялся наш институт начиная с 1991 года? Интересна ваша оценка, поскольку вы живой свидетель и участник всего этого!

АД: Я участник, и мне трудно оценивать. Я никогда не был близок к администрации, поэтому мне трудно оценивать.

ВГ: Но все мы знаем, что в 1990-е годы все разбегались кто куда, кто за границу уезжал, кто преподавал сразу в 5-6 вузах, не имея времени на научную работу.

АД: Вот-вот, выживание было. Конечно, все сыграли свою роль. Я вот читал вашу беседу с *Ю.Г. Александровым*³⁷. Я не готов так «потрошить» директоров, как он это делает. У каждого была своя ситуация, у них были свои отношения между собой, не буду говорить, у кого с кем. Но просто между собой. Единственное, что теперь у 80-летних «отъели» ползарплаты. Ну что ж... я могу только промолчать. Я свои три статьи выдаю, свои 40 тысяч получаю.

ВГ: Но переход от 1990-х к 2000-м годам какими-то переменами ознаменовался?

АД: Стабильностью, по-моему. Стало более стабильно.

ВГ: А смена поколений в вашем отделе, на вашем направлении, как она происходила?

АД: Идёт и смена поколений и известный рост на индонезийском направлении. Недавно к нам присоединился один из старейших и весьма плодотворных индонезиеведов *Николай Павлович Малетин*³⁸. Конечно, очень большую роль играет *Александр Вячеславович Попов*³⁹. Сравнительно недавно (в сравнении со старейшинами) к нам присоединился доктор наук *Антон Олегович Захаров*⁴⁰. Молодое поколение представляет *Ксения Геннадьевна Муратишина*⁴¹. Это позволяет охватывать достаточно широкую и актуальную проблематику. Но надо иметь в виду, что Индонезия – четвёртая страна в мире по населению и первая по численности мусульманского населения! Хотелось бы, чтобы ещё больше интересных специалистов по Индонезии пришли.

ВГ: Сколько там сейчас уже населения?

АД: Больше 280 миллионов человек. На первом месте Индия или Китай (там они спорят), потом Штаты и Индонезия. Нас (СССР) выперли, поэтому они заняли наше четвёртое место. А так были пятыми. Спасибо Ельцину! – они получили наше место.

ВГ: Советское поколение учёных передаёт эстафету. А молодёжь приходит?

АД: Приходит.

³⁷ *Александров Юрий Георгиевич* (1933 г.р.) – востоковед, д.э.н. (1982). Науч. сотр. (1982–1986), главн. науч. сотр. (1996–2023), завсектором политологии отдела стран СНГ (с 2003) ИВ РАН (до 2024). Окончил ВИИЯ (1956). Сотрудник ГКЭС в КНДР (1956–1958). Специалист по сельскому хозяйству и аграрно-крестьянским вопросам Индонезии, сравнительным исследованиям экономических и социальных проблем развивающихся обществ Востока и постсоветской Евразии.

³⁸ *Малетин Николай Павлович* (1937 г.р.) – д.и.н. (1980), профессор (1983), гл. науч. сотр. Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН. Засл. деят. науки РФ (2002).

³⁹ *Попов Александр Вячеславович* (1957 г.р.) – индонезиевед, к.э.н. (1986). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1985), с.н.с. Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, с.н.с. ИКСА РАН. Окончил ИСАА при МГУ (1980). Ведущий российский переводчик индонезийского языка.

⁴⁰ *Захаров Антон Олегович* – д.и.н., профессор, вед. науч. сотр. Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН. Окончил МГПУ (2002).

⁴¹ *Муратишина Ксения Геннадьевна* – востоковед, к.и.н. (2014), доцент. Выпускник, преподаватель УРФУ. Сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН.

ВГ: Какие они?

АД: Как какие? Нормальные.

ВГ: Уровень квалификации, широта интересов, на что направлены интересы?

АД: Вы знаете, к сожалению, их мало.

ВГ: Отличаются ли они от вас? Например, я могу честно и спокойно сказать, что молодые китаеведы отличаются даже от моего поколения. У них во многом более широкий кругозор (при этом во многом – и более узкий). Для них весь мир – свой дом, тогда как для нас заграница – это был всё-таки отдельный мир. В советское время не было интернета, а сейчас он есть...

АД: Конечно, во-первых – интернет. Но есть одно обстоятельство. В Советском Союзе у нашей науки была одна трудность. Научные учреждения были государственно-партийными. Поэтому всё, что я говорил и писал, могло быть отнесено к мнению государства... Я – государственный служащий. Учёный, но, как ни крути, я в государственном аппарате. Стало быть, за то, что я пишу и говорю, отвечает государство и партия. И в этом смысле, в смысле анализа, в смысле широты и остроты анализа, были существенные ограничения. Кроме, конечно, справок, которые мы активно писали для ЦК, и мы получали их из Института востоковедения, это другое дело. Но в смысле научных исследований, конечно, это имело свои ограничения.... В статьях нельзя было говорить, что индонезийское правительство делает то-то и то-то – в Индонезии происходит то-то и то-то. Ну, и так далее. Это было определённое затруднение для научного процесса. Сейчас этого нет. И в целом, конечно, и мышление, и язык молодых учёных более свободны. Ну и слава Богу!

ВГ: Скажите, пожалуйста, а вы работаете на компьютере, с интернетом?

АД: Я утром сегодня встал в 7 часов, в 8 часов сел за интернет и прочёл сообщения по Индонезии из 5 или 6 источников. Обычно в 4 часа дня я снова сажусь и просматриваю ещё несколько раз. Распечатываю на принтере, складываю и потом это читаю. Всё это пойдет в статьи, которые я сейчас готовлю. И так регулярно, в течение многих лет. Это главный источник информации. Главный источник информации, потому что, повторяю, как меня учили ещё в институте, где нам говорили: "Читайте газеты!". Газеты: вот одна крупинка, и вот одна крупинка, вот ещё крупинка – а сложилась целая панорама! И Резников, который так же меня учил. Кстати говоря, он сумел выяснить за несколько месяцев до переворота 1965 года, что сухопутная армия почему-то сосредотачивается на Яве. Причём он сумел довести это до начальника ГРУ Ивашутина в разведывательном управлении армии, тот с ним встречался и разговаривал. И, насколько я понял, это было доведено до Брежнева, который сказал *Айдиту*⁴², что армия готовит что-то против коммунистов, но Айдит не понял. Потом говорил, что ему угрожали. На самом деле, его предупреждали. Так и получилось. Резников потом это опубликовал в спецбюллетене нашего института – был такой, не знали?

⁴² *Айдит, Дина Нусантара (Dipa Nusantara Aidit, 1923 – 1965)* – деятель рабочего движения в Индонезии, коммунист, глава компартии Индонезии.

ВГ: Нет, не знал и не видел. Это же было ещё в советское время!

АД: Институт востоковедения имел свой «Спецбюллетень» для служебного пользования, где публиковались как раз вот такие...

ВГ: Прогнозы? Ситанализы?

АД: Это анализы, не связанные с заботой «Ах, что скажет индонезийское посольство?!» Это шло для государственного аппарата в МИД, в ЦК и ещё куда-то. В библиотеке есть, попросите для интереса!

ВГ: В своё время, в 1990-е годы даже мне было трудно перейти на компьютер, освоить интернет. Как для вас лично прошла вся эта техническая революция?

АД: Трудно! И до сих пор трудно, я это до сих пор не освоил. То есть я включаю утром, нахожу рубрики и так далее. Но уже что-то переключаться, что-то отправить, это я жену прошу. Трудно. Я не технический человек.

ВГ: Сейчас вы не преподаёте. Но сколько лет вы преподавали?

АД: Преподавал я сначала два года, когда ещё учился в МГИМО. Я закончил на 4-м курсе военный перевод, когда у нас погиб преподаватель и меня взяли преподавать. На 5-6 курсах я преподавал военный перевод для моих коллег. Это были первые два года. Потом преподавал 1,5 года в Военном институте иностранных языков. И потом я преподавал в институте у Нэлли Михайловны Хрящевой. Восточный университет он тогда назывался, а сейчас это Институт стран Востока. Там я долго преподавал, с 1997 года и до их переезда.

ВГ: Они переехали где-то в 2021 году. Это 25 лет! Итого – почти 30 лет преподавания. У вас было много студентов. А есть ли у вас личные ученики?

АД: Один из них сейчас преподают в ИСАА МГУ, он – кандидат наук и мой, кстати говоря, подопечный по диссертации, *Григорий Викторович Сучков*⁴³. Ещё одна моя ученица – *Екатерина Вячеславовна Кочеткова*⁴⁴, и ещё одна –

⁴³ Сучков Григорий Викторович – индонезиевед, к.и.н (2010), доцент ИСАА МГУ.

⁴⁴ Кочеткова Екатерина Вячеславовна – индонезиевед, малаист, к.и.н., ст. науч. сотр. Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН.

Ольга Леонидовна Петрова⁴⁵, это мои ученицы, они обе работают в нашем отделе. Есть дипломаты, есть предприниматели. Довольно много, да.

В институте с коллегами и учениками. Справа налево: Другов А.Ю., Кочеткова Е.В., Астафьева Е.М., Погадаев В.А., Петрова О.Л., Раймонд (ИВ РАН, ноябрь 2025)

ВГ: Сколько у вас было аспирантов?

АД: Аспирант только один. Это Григорий Викторович Сучков. Он по вооруженным силам Индонезии защитился. Но как-то не сложилось, не знаю почему. Я виноват, ну не сложилось...

ВГ: Такова жизнь, да. Как складывались ваши поездки в Индонезию после того возвращения? Как вам удавалось ездить, и удавалось ли ездить вообще?

АД: Мне удавалось ездить. Когда я в ЦК работал, я подключался иногда к поездкам отсюда, поскольку у меня уже были научные заслуги, я в качестве востоковеда бывал там, раз или два. Но это не часто. А потом я был, помоему, в 2010 году, президент Юдойоно⁴⁶ пригласил меня как друга Индонезии. Вроде бы пока и всё!

ВГ: То есть мы с вами насчитали три раза, получается?

АД: Нет, больше. Один раз – командировка, два раза – с учёными, и один или два раза – по приглашению. Всего 4-5 раз, да. В первый раз это было два года.

ВГ: А потом были недолгие поездки, максимум несколько месяцев?

АД: Нет, даже не месяц, речь идёт, может быть, о неделе с небольшим.

ВГ: Вы планируете ещё поехать в Индонезию?

АД: Нет.

ВГ: Почему?

АД: В таких случаях мне жена говорит: посмотри в свой паспорт. Понимаете, прыгнуть в 88 лет из московского климата во влажные тропики, это

⁴⁵ Петрова Ольга Леонидовна – сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН.

⁴⁶ Сусило Бамбанг Юдойоно (Susilo Bambang Yudhoyono, 1949 г.р.) – военный и политический деятель, 6-й президент Индонезии и первый, избранный прямым голосованием избирателей (2004–2014).

рискованно. Хорошо, если я там сразу загнусь. А если паралич? Что я буду делать, что со мной будут делать? Мне уже приходится об этом думать, ничего не напишешь!

ВГ: Это разумно, но у нас есть коллеги, например, *Владилен Георгиевич Буров*⁴⁷, которому уже 94 года, но он каждый год ездит в Китай (конечно, вместе с супругой), даже чаще многих молодых коллег. Ещё есть востоковед *Борис Яковлевич Надточенко*⁴⁸, 1939 года рождения, он работал в ИДВ. Недавно путешествовал с дочерью по странам ЮВА, а сейчас путешествует в Африке. Поэтому, может, вам всё же стоит подумать и съездить в Индонезию?

АД: Я не умею, не способен, должно быть, просто поехать. Ну хорошо, вот я приехал – кто я?

ВГ: Например, просто турист! И этого уже достаточно. Можно посмотреть на изменения: как изменились страна, города, люди...

АД: Для этого мне нужен какой-то круг общения, к кому ехать.

ВГ: А у вас есть там какие-то знакомые, коллеги, партнёры?

АД: Сейчас уже нет.

ВГ: А вообще какие-то контакты, даже в последние 20 лет, допустим, с индонезийскими учёными были у вас?

АД: Ну, приезжали сюда многие.

ВГ: То есть они сами приезжали? А вас не приглашали?

АД: По научной линии – нет.

ВГ: Давайте тогда по-другому подойдём к этому вопросу. Мы знаем, что вы участвовали в двух конгрессах востоковедов, проходивших за рубежом.

АД: Да, в Будапеште и в Стамбуле.

ВГ: Как складывалась эта история с конгрессами востоковедов? Это было просто путешествие в общей команде с институтом?

АД: В общей команде с институтом.

ВГ: А чем-то запомнились эти конгрессы?

АД: Нет.

ВГ: То есть это были просто регулярные мероприятия, где было много народу?

АД: Скорее, остались впечатления от места пребывания. И, как ни странно, одно из самых ярких впечатлений от места, это была Казань. Уютный город. Комфортный.

ВГ: Ну а Будапешт и Анкара были комфортными?

⁴⁷ *Буров Владилен Георгиевич* (1931 г.р., Харбин). Китаевед, д.филол.н. (1986), профессор (1994). Окончил МИВ (1954). С 1954 г. неоднократно работал, стажировался, выезжал в командировки в Китай. Вед. науч. сотр. Ин-та филол. РАН (с 1959). Исследователь истории классической и современной китайской философии.

⁴⁸ *Надточенко Борис Яковлевич* (1939 г.р.). Востоковед, китаевед, японист. Переводчик, преподаватель. Окончил ИВЯ МГУ (1964). Стажёр в Пекине (1962–1963). Преподаватель ВИИЯ (1968–1974), РУДН (2002–2010). Сотр. Центра науч. инф. и документации ИДВ РАН (с 1995). Автор-составитель ряда словарей: Кленин И.Д., Надточенко Б.Я. Словарь рус.-кит. воен. и техн. М., 2001; Араушкин Н.С., Надточенко Б.Я. Карман. кит.-рус. словарь. М., 1975.

АД: Будапешт и Анкара – конечно!

ВГ: Там какие-то были знакомства с иностранными коллегами?

АД: Ничего далекоидущего.

ВГ: То есть такого творческого, научного союза не сложилось?

АД: Нет.

ВГ: Какие-то работы ваши переводили на английский язык или в Индонезии издавали?

АД: Нет. На английском у нас издают, но то, что мы сами перевели.

ВГ: Чем можно объяснить пассивность контактов с индонезийской наукой сейчас? Это объективная ситуация, или некие субъективные факторы влияют?

АД: Вы знаете, лично я не могу эти контакты установить. Это обычно делалось на уровне института. Были в своё время (сейчас не знаю, может быть, уже нет) контакты нашего Института с Центром стратегических и международных исследований в Индонезии. Они приезжали сюда, и мы ездили туда по их приглашению: Чуфрин, Другов и Жаров.

ВГ: Какие это были годы?

АД: Это 1980–1990-е годы.

ВГ: Это были ознакомительные визиты? По обмену?

АД: Нет, не ознакомительные. Они приезжали и выступали, мы выступали с докладами, по международному положению, по отношениям наших стран тоже. Это был научный обмен.

ВГ: Но тогда же это и закончилось?

АД: Да.

ВГ: Я помню, что к нам в институт два-три года назад приходил посол Индонезии, сидел и в этом кабинете. Сейчас какие-то контакты с посольством у вас и ваших коллег имеются?

АД: Почти нет.

ВГ: Почему?

АД: Отчасти потому, что повлиял ковид. Но у меня очень добрые отношения с послом, *Таваресом*⁴⁹. Мы с ним познакомились ещё тогда, когда он только что приехал. И он, как всякий индонезиец, был очень доволен, что я говорю по-индонезийски, это на них всегда производит сильное впечатление. Но сейчас его меняют, у нас заменили нашего посла в Индонезии, очень хорошего посла, дочь моих соучеников по институту Воробьёва и Ларионовой. Это *Людмила Георгиевна Воробьёва*⁵⁰. Блестящий посол была!

ВГ: Она индонезист?

АД: Нет, она «таец». Сейчас она возглавила тот отдел или управление, которое занимается Юго-Восточной Азией. Третье управление.

⁴⁹ *Хосе Антонио Морато Таварес* (Jose Antonio Morato Tavares, 1960 г.р.) – дипломат, Чрезв. и полном. посол Республики Индонезии в РФ и Респ. Беларусь (2020–2025).

⁵⁰ *Воробьёва Людмила Георгиевна* (1964 г.р.) – дипломат, Чрезв. и полном. посол РФ в Малайзии (2010–2015), Индонезии (2018–2024), а также в Кирибати и Вост. Тиморе по совместительству. Директор 3-го департамента Азии МИД РФ (2015–2018 и с мая 2024).

ВГ: Она была в ранге посла?

АД: Да.

ВГ: Сколько лет?

АД: Пять, по-моему, 4-5, полностью весь срок... У нас очень добрые отношения с её родителями были. Потом отец умер, а с Людой Ларионовой мы до сих пор друзья. Мы учились вместе, она – на тайском. Поэтому, соответственно, и с Людмилой Георгиевной тоже дружим. Она приезжала недавно, мы с ней встречались на мероприятии.

ВГ: У индонезийцев есть какая-то своя кухня?

АД: Да, конечно. У них много кухонь. Понимаете, это есть Ява, это Суматра, это Бали, очень разные. Но, в принципе, конечно, это жареный рис, почти как наш плов который они называют *насигоренг*. Это шашлык – *самэ*, это перец, такой, что действует два раза – сначала когда входит, а потом когда выходит. Фрукты, конечно.

ВГ: Как вы оцениваете наше военно-техническое сотрудничество на современном этапе?

АД: Поживём – увидим.

ВГ: Ну, давайте в целом.

АД: Нет, в целом не получается, потому что пока что – они бы и рады, но всё-таки санкции имеют свое значение.

ВГ: Но там и до санкций были же какие-то проблемы с самолётами. Хотя это, наверное, после 2014 года, когда уже первые санкции пошли?

АД: Да, да. Всё после 2014 года. В принципе они знают, что на нас можно положиться, а на Америку – нет. Но у Америки больше возможностей давить. Поэтому они переключились на французский Рафаль по самолётам, и в других отношениях тоже. Хотя поживём – увидим. Сейчас новый президент – очень своеобразная фигура. Посмотрим, как он себя поведёт.

ВГ: Он же военный тоже, да?

АД: Он военный. Он был министром обороны и закупал оружие. С ним была интересная история. Его обвинили по созданию военно-репрессивного режима в нарушении прав человека и отчислили из армии. Да! И за нарушение прав человека Штаты запретили ему въезд на территорию Соединенных Штатов. Он уехал за границу, был в эмиграции, до суда дело не дошло. Потом вернулся, его практически не восстановили, но он создал партию, и два раза в 2014 и 2019 году баллотировался в президенты страны... А в 2019 году, когда он проиграл выборы *Джоко Видодо*⁵¹, он принял предложение Джоко Видодо и стал министром обороны. И тогда американцы радостно приняли его у себя для закупок оружия. Я понимаю, что для него это была победа. Думаю, что *Прабово Субианто*⁵² очень своеобразный

⁵¹ *Джоко Видодо* (Joko Widodo, 1961 г.р.), при рождении Мульоно – государственный и политический деятель Индонезии, президент страны (2014–2024).

⁵² *Прабово Субианто* (Prabowo Subianto, 1951 г.р.) – воен., полит., госуд. деятель, ген.-лейт., министр обор. Индонезии (2019–2024), команд. войск спец. назн. (Копассус) (1995–

человек, но не глупый, и он понимает, что американцы продадут только так, и что за деньги с американцами всё можно. Кстати, он был уже после избрания у нас, и последнее сообщение, которое я вчера-позавчера видел, собирается приехать в июне уже в качестве полноправного президента. Первое, куда он поехал после избрания – Китай, Штаты, а сейчас снова собирается к нам. Кстати, с ним переводчиком часто работает наш Александр Вячеславович Попов. И, по его отзывам, Прабово Субианто настроен отнюдь не антироссийски.

ВГ: Кстати, о Попове. Александр Вячеславович, он чей ученик? Он тоже из Военного университета?

АД: Нет. Он из ИСАА, он с моим сыном вместе учился, только постарше года на три. Ему 68 лет сейчас.

ВГ: Он тоже чистый индонезист?

АД: Да, чистый индонезист.

ВГ: Я правильно понимаю, что он тоже один из ведущих сейчас индонезистов у нас, не только в институте, но и в стране?

АД: Да, конечно!

ВГ: А с точки зрения не только науки, но и языка, есть ещё у нас сейчас какие-то коллеги-индонезисты, сопоставимые по уровню с Поповым?

АД: У нас переводчиками, насколько я знаю, всегда мидовцы работают. Но Попова знают, и поэтому привлекают. У него и языковая традиция, и потом, видимо, человеческая традиция общения с этими людьми, что немаловажно. А так я даже не знаю, кто сейчас с делегациями работает.

ВГ: Хорошо. А из учёных есть у нас какие-то крупные фигуры сейчас по Индонезии, которых можно назвать, кроме вас и Попова?

АД: Вы знаете, я ожидал этого вопроса. *Погадаев Виктор Александрович*⁵³, он лингвист, языком занимается, но и пишет тоже. Есть Малетин Николай Павлович. Правда, он мой ровесник. Кто ещё? Есть *Сикорский Вилен Владимирович*⁵⁴. Есть молодые вот – Захаров Антон Олегович, Сучков, *Куклин Никита Сергеевич*⁵⁵ – интересный человек. Он в МГИМО и в РУДН подвизается. Есть и другие.

ВГ: Насколько я знаю, Николай Павлович Малетин работает и у нас в ИВ РАН.

1998) и стратег. резерва Сухоп. войск (Кострад) (1998). Президент Индонезии (с 20 октября 2024).

⁵³ *Погадаев Виктор Александрович* (1946 г.р.) – востоковед, к.и.н. (1976), специалист по ЮВА, лексикограф, переводчик. Окончил ИВЯ при МГУ (1970).

⁵⁴ *Сикорский Вилен Владимирович* (1932 г.р.) – индонезист, к.ф.н. (1963). Литературовед. Окончил МГИМО МИД СССР (1957). Преподаватель ВИИЯ (1957–1980), ИСАА МГУ (1961–1965), яз. курсов МИД (с 1981). Дир. культ. центра СССР в Индонезии (1964–1965).

⁵⁵ *Куклин Никита Сергеевич* – востоковед, к.и.н. (2022), эксперт Центра АСЕАН Ин-та междун. иссл. МГИМО МИД РФ, доцент кафедры востоковедения МГИМО(У). Специалист по истории и внешней политике Индонезии и стран АСЕАН. Окончил РУДН (2016).

АД: Да, сейчас он – главный научный сотрудник центра Юго-Восточной Азии ИВ РАН и, полагаю, мог бы стать достойным участником вашего проекта, дать отдельного интервью. С Н.П. Малетиным, одним из виднейших и старейших наших индонезистов, меня связывают многие десятилетия дружбы и профессиональных отношений, хотя в качестве соавторов мы не выступали. Его перу принадлежат многочисленные глубокие и исследования в области внешней политики Индонезии и других стран ЮВА, причём он сочетает научные способности с опытом практической работы в посольствах за рубежом, что придаёт его исследованиям дополнительную актуальность. Кроме того, в соавторстве с М.С. Капицей они написали и издали в 1980 году весьма интересную монографию «Сукарно. Политическая биография»⁵⁶.

*С коллегами на круглом столе в РИСИ (февраль 2023).
Слева направо: Е.М. Астафьева, Д.В. Мосяков, А.Ю. Другов, А.Н. Карнеев*

ВГ: В последние годы выходили какие-то интересные, важные работы по Индонезии. Например, монографии, которые стоит и хотелось бы упомянуть?

АД: Вы знаете, может быть, Куклин. Но он диссертацию защищал по индонезийской внешней политике. Тут надо следить не за отдельными именами, я просто сейчас не готов, но за изданиями. Надо следить за изданиями АСЕАНовскими, общества АСЕАН в МГИМО, и Нусантара в ИСАА. И, конечно, в первую очередь, за нашим бюллетенем «Юго-Восточная Азия – актуальные проблемы». И всем, что вокруг него, потому что вокруг него есть ещё серия «Многоликая элита Востока». У меня там есть несколько работ. И ещё есть некоторые такие издания под руководством Д.В. Мосякова⁵⁷

⁵⁶ Капица М.С., Малетин Н.П. Сукарно: Политическая биография. М.: Мысль, 1980. 332 с.

⁵⁷ Мосяков Дмитрий Валентинович – востоковед, д.и.н., профессор. Окончил ИСАА при МГУ (кхмерский язык). Сотрудник ИВ РАН (с 1985), гл. науч. сотр., зав. Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН.

и *Е.М. Астафьевой*⁵⁸ сейчас. Это, пожалуй, самое интересное, что у нас издаётся. Вы знаете это издание, «Юго-Восточная Азия, актуальные проблемы развития»?

ВГ: Знаю, конечно, и почитываю. Помимо внешней политики, военно-технического сотрудничества и многоликой элиты, какие проблемы сейчас актуальны для индонезистики конкретно?

АД: Чем надо заниматься по Индонезии? Внешняя политика, конечно, очень привлекательна. Очень благодатна, можно сказать. Но по Индонезии нужно заниматься сейчас и внутренними делами. Во-первых, (я две работы опубликовал по этому поводу в нашем бюллетене, в журнале) ролью вооружённых сил. Очень неоднозначная ситуация. Во-вторых – исламский радикализм. Они запретили всё, кроме государственной идеологии, панча сила. В результате не имеет права на существование ни одна идеология с более-менее радикальными социальными взглядами. Тем более левая, марксистская – немарксистская и так далее. В результате что? Самой радикальной социальной идеологией стал радикальный ислам. Ислам за равенство перед Господом, за равенство, и так далее и так далее. Поэтому я не могу сказать, что нависла угроза исламского радикализма, но она всё время присутствует, и он неистощим. Государственная идеология достаточно себя скомпрометировала, потому что буквально сегодня, перед выходом сюда, я читал статью про усиление социального диспаритета, различий, неравенства, про индекс Джини⁵⁹. Поэтому идеология – идеологией, а индекс Джини растёт. А люди к чему обращаются? К коммунистической идеологии – левая – не разрешается, значит, идут к радикальному исламу.

ВГ: Кто-то у нас изучает эти проблемы?

АД: Изучают. Последнее, что я знаю, мне присылала на отзыв статью *Наталья Григорьевна Рогожина*⁶⁰ из Института мировой экономики и международных отношений. Думаю, что статья уже вышла. Но надо больше заниматься, потому что это более чем актуально. Кстати говоря, полагаю, что она актуальна не только для Индонезии. Я бы всё-таки с очень большой настороженностью относился к Чечне. Очень, очень. Я понимаю, это не по нашей теме, но мы имеем дело с сепаратизмом, если называть вещи своими именами.

ВГ: Чего сейчас не хватает нашей индонезистике на ваш взгляд? Где требуется усиление какое-то?

АД: Я думаю, что... людей не хватает.

ВГ: Это главная слабость?

АД: Конечно!

⁵⁸ *Астафьева Екатерина Михайловна* – востоковед, к.и.н. (2019), Окончила Восточный университет при ИВ РАН (1998). Сотрудник ИВ РАН (с 2000). Ст. науч. сотр., уч. секретарь Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН.

⁵⁹ Коэффициент Джини – статистический показатель степени расслоения общества.

⁶⁰ *Рогожина Наталья Григорьевна* – д.полит.н. (2011), доцент, гл. научн. сотрудник Центра проблем развития и модернизации Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН.

ВГ: Ну, а в подготовке? Что можно улучшить?

АД: Понимаете, были бы люди, будет и подготовка. Было бы кого готовить. Я буду выступать у Хрящевой в Институте стран Востока, буду агитировать за Индонезию. Но надо ещё, чтобы после этого люди пошли в науку. Понимаете? А в бизнесе... Простым курьером сейчас можно заработать неизмеримо больше, чем профессором.

ВГ: Это правда. Если вернуться к вашему научному вкладу. Вы работаете в науке напрямую уже больше 50 лет, если с кандидатской считать!

АД: Думаю, что 60, так скажем.

Выступление на круглом столе в РИСИ (февраль 2023)

ВГ: Да. Что вы считаете самым главным для себя достижением в сфере науки?

АД: Каждый из нас внёс свой вклад. Я бы лучше спросил об этом кого-то ещё.

ВГ: Но вам же удалось сделать какие-то открытия, раскрыть какую-то тему. Конечно, в разное время разные темы наиболее важны для нас. Но если взять все темы за все периоды, какая тема для вас самая главная?

АД: Я бы сказал, две темы генеральные. Динамика внутривнутриполитического процесса и динамика внешнеполитических отношений. Внешних отношений.

ВГ: То есть вам удалось отслеживать их долговременно?

АД: Ну, удастся более-менее. Я просто слежу. То, что я делаю из года в год своими статьями в этом издании, это и есть отслеживание динамики внешнеполитической и внутривнутриполитической.

ВГ: Ну вот мы и ответили на главный вопрос. Но это на отрезке новейшей истории, без углубления в историю?

АД: Вы знаете, я не апеллирую к древней истории, потому что, во-первых, у меня никогда не было к ней кровного интереса, как у некоторых товарищей.

ВГ: Понятно. Но вот ещё обратная форма нашего традиционного вопроса. Что хотелось, но не удалось сделать, что вызывает сожаление из того, что можно было или хотелось сделать? В плане науки, конечно. Или всё получилось?

АД: Ну, мне грех жаловаться. Вы знаете, в моём возрасте писать три статьи в год, причём достаточно капитальных – это неплохо. И не было случая, чтобы мне сказали: «Хватит!». Пока нормально...

ВГ: Но вы сказали, что у вас был только один аспирант. Есть желание воспитать ещё одного аспиранта?

АД: Я не отказываюсь. Но где они?

ВГ: В этом году наш институт востоковедения получил 21 бюджетное место для аспирантов на четыре специальности. Вы можете сказать об этом на дне открытых дверей в ИСВ. Как вы считаете, кроме «крови», которой нужно платить за переводы и за работы, какие качества нужны молодому востоковеду, чтобы стать хорошим профессионалом?

АД: Может, кто-то со мной согласится, а кто-то нет, но, чтобы стать хорошим востоковедом-профессионалом, надо чтобы у тебя не было понятия «рабочий день». У тебя все 24 часа – рабочие, и ты никуда от этого не деваешься. Это не инженер, который в 17:00 ушёл с завода. Я не умаляю ценность его работы, но он ушёл с завода и занимается чем-то ещё. А твоя профессия всё время при тебе. Во-первых, это профессионально. Во-вторых, так или иначе, за ней стоят люди. За ней стоят люди, за политикой.

ВГ: Я по-другому спрошу. Есть ли у вас какое-то собственное востоковедческое кредо или принцип, которым вы руководствуетесь всю свою научную жизнь? У меня есть, например.

АД: А у вас какой?

ВГ: Я это называю 4ТИ: «талант, трудолюбие, терпение, товарищество, интуиция». Так я формулирую своё кредо.

АД: Это приложимо ко всем профессиям, особенно гуманитарным. Я бы согласился с этим.

ВГ: Но, может, вы как-то дополните это? Что-нибудь от себя?

АД: Пахать надо!

ВГ: Хорошо. В таком случае, что мы можем пожелать молодым востоковедам и специалистам по Индонезии, которые будут приходить нам на смену?

АД: Избрать эту профессию и не разочароваться.

ВГ: Это тоже можно ко всем профессиям отнести. А, всё-таки, давайте попробуем нащупать какую-то специфику в пожелании. Например, сейчас уже и желать не нужно, чтобы почаще ездили в страну изучения, так как многие специалисты ездят туда как на дачу или на обычную работу. Но, конечно, это всегда крайне необходимо – знать и посещать страну изучения.

АД: Для этого деньги надо иметь, между прочим. Причём очень изрядные.

ВГ: Да, это правда. Но изрядные деньги можно и заработать (вот ещё одно пожелание – умейте зарабатывать!), а хороший переводчик, он вообще может ездить и бесплатно, и ему даже ещё и заплатят!

АД: Вы знаете, я обычно говорю: язык, язык, язык! И второе, что я говорю на Открытых дверях – русский язык! Говорю, что иностранному языку вас научат. А русский язык... это кошмар! Выступают министры, генералы, которые числительные склонять не умеют!

ВГ: Ну, такая проблема существует ещё с советских, сталинских времён.

АД: Не знаю. Но в принципе – это всегда было. Один *Хрущёв*⁶¹ чего стоил. А Ельцин? Что касается Хрущёва, это, конечно, система сработала. Что касается Ельцина – сами выбирали! Как говорят бывшие братья-украинцы, "бачили очи що купувалы"

ВГ: Тепер ижте, хоч повылазтьэ!..

ВГ: Ещё вопрос по Индонезии: как сейчас складываются отношения вице-президента с президентом? Там же рокировка была фамильная какая-то?

АД: Абсолютно, абсолютно! Потому что дело в том, что, бывший президент Джоко Видодо, который был тесно связан с Демократической партией, бросил эту партию на выборах и поддержал Прабово Субианто. В общем, предал. Но за это он к Прабово Субианто приспособил в качестве кандидата в вице-президенты своего сына Гибрана. Все бы ничего, но, Гибрану не хватило четырёх лет для законного баллотирования.

ВГ: Мешал возрастной ценз?

АД: Да. Тогда Конституционный суд пересмотрел эту норму, и ему разрешили! Правда, потом председатель Конституционного суда на этом погорел и его уволили, но Гибран всё-таки избрался. И он стал вице-президентом. Понимаете, Джоко Видодо своеобразная фигура очень, во многом позитивная, но всё-таки он меня и многих индонезийцев разочаровал. Так вот приспособливать своего сына... Даже в Индонезии так нехорошо! Я как-то их дипломатам откровенно сказал (мне можно, я – неофициальное лицо): ваш Джоко Видодо меня разочаровал. «Нас тоже», – сказали они.

ВГ: Но так было всегда, с глубокой древности! Все и всегда пытаются посадить на своё место своих детей... Кстати, а ваши дети пошли по отцовским стопам?

⁶¹ *Хрущёв Никита Сергеевич* (1894–1971). Парт. и гос. лидер в СССР. Член ВКП (б) (1918). 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины (1938), член ПБ ЦК ВКП(б) (1939). 1-й секретарь ЦК КПСС (с 1953), восстановил регулярность созывов съездов КПСС и пленумов ЦК. Озвучил на XX съезде КПСС доклад о культе личности Сталина (1956). Пенсионер (с 1964).

Дети и внуки

АД: Сын, Другов Александр Алексеевич, пошёл по моим стопам. Окончил ИСАА при МГУ в 1983 году, защитил диссертацию по левому движению в Индонезии. Потом работал и Институте общественных наук при ЦК КПСС. Сейчас уже много лет работает сценаристом, пишет сценарии. И это свидетельствует о многогранности профессии востоковеда, которая даёт стереоскопический подход к действительности и позволяет успешно осваивать другие специальности.

ВГ: Как зовут вашу нынешнюю супругу? Она тоже гуманитарий?

АД: Наталья Владимировна. Она экономист. До пенсии работала по специальности в различных учреждениях.

А.Ю. Другов с супругой Натальей Владимировной

ВГ: Что мы можем предложить нашим индонезистам или индонезиеведам, кроме пожеланий пахать и потеть, потеть за изучением языка, как русского, так и индонезийского?

АД: Прежде всего, роста актуальности этой профессии. А это означает, что это рост международной роли Индонезии. Это значит рост стереоскопичности нашей внешней политики и наших возможностей в этой политике, в том числе экономических и политических. Рост востребованности профессии. А тогда и заработок, и всё остальное появятся.

ВГ: В сентябре 2024 года вы всё же совершили дальнейшее путешествие во Владивосток и выступили на конференции по антиколониализму, прошедшей на полях ВЭФ-2024 в кампусе ДВФУ, кстати, на Русском острове. Узнали ли вы этот остров? Какие впечатления и чувства испытали от возвращения на остров Русский через 63 года?

АД: Конечно, и сам остров, и Владивосток весьма изменились за это время во многих отношениях. Но мои впечатления и чувства были связаны с воспоминанием о том, что я испытывал там 63 года назад. Прежде всего, как советский офицер я гордился ролью моего флота в обучении индонезийских моряков. Далее, как востоковед и международник я был удовлетворён плодотворными отношениями между нашими и индонезийскими моряками, а также теми подлинно дружескими чувствами, которые существовали между инструкторами и инструктируемыми, и в формировании которых мне довелось стать посредником.

Выступление на международной научной конференции «Колониализм на Востоке и его влияние на современный мир». Восточный экономический форум. Владивосток, остров Русский, 6 сентября 2023

ВГ: Спасибо большое! Наша беседа уже заканчивается.

АД: Вы удовлетворены?

ВГ: Да. Но можете ли вы пообещать, что всё же подумаете о новой поездке в Индонезию?

АД: Подумать могу!

ВГ: Подумайте, пожалуйста! Спасибо большое, Алексей Юрьевич!

АД: Договорились!

*А.Ю. Другов и В.Ц. Головачёв в Восточном культурном центре ИВ РАН
(май 2023)*

Дополнительные вопросы от А.В. Попова (2025)

АП: Поскольку Вы были глубоко вовлечены в операцию по освобождению Западного Ириана, скажите, пожалуйста, насколько далеко Советский Союз готов был пойти в поддержке Индонезии в этом вопросе?

АД: Советский Союз официально принял на себя обязательство участвовать в конфликте в случае его возникновения. Скорее всего, было основание полагать, что Вашингтон остановит Гаагу. Но исключать ничего нельзя.

АП: Как Вы считаете, были ли оправданы огромные затраты на Индонезию, которая не собиралась идти по пути соцориентации?

АД: Насчёт социалистической ориентации надежды не оправдались, но прочную базу отношений с Индонезией мы тогда заложили, что позволило преодолеть все изломы судьбы этой страны.

АП: В чем, на Ваш взгляд, основная причина событий 1965 г. и какую роль в них сыграла Компартия Индонезии?

АД: События 1965 г. были порождены противоречиями внутри вооруженных сил и использованы для удара по левым силам и поворота на капиталистический путь. Компартия Индонезии не была инициатором этих событий и стала жертвой, так как не была готова к кризисам.

АП: Какую роль в этих событиях сыграли западные спецслужбы? Был ли Сухарто самостоятельной фигурой или к власти его привели эти спецслужбы?

АД: Запад всячески содействовал правому перевороту, в том числе и по линии спецслужб. Сухарто был самостоятельной фигурой, но поддержка США сыграла свою роль.

АП: Как получилось, что Индонезия вторглась на Восточный Тимор и почему была вынуждена уйти с этой территории?

АД: Причин для вторжения на Восточный Тимор было, по крайней мере, две. Первая – левая ориентация правительства Восточного Тимора. Вторая причина – это великодержавие Джакарты, стремление к приращению влияния и территорий.

АП: Почему Сухарто был вынужден обратиться к РФ за поставками оружия?

АД: США были недовольны тем, что Сухарто оказался большим националистом, чем ожидали. Отсюда ограничения в отношении Индонезии и обращение Сухарто к Москве.

АП: Что послужило причиной отставки Сухарто?

АД: При режиме Сухарто имели место существенный экономический рост и, соответственно, социальные перемены. Со временем общество переросло установленный этот режим, хотя последствия изжиты ещё не полностью.

АП: Какую роль в политической жизни Индонезии сыграл президент Хабиби?

АД: Хабиби фактически положил начало политическим реформам в стране.

АП: Как к власти в Индонезии пришла дочь Сукарно – Мегавати Сукарнопутри, и какую роль она играет в современной Индонезии?

АД: Мегавати Сукарнопутри стала вице-президентом в тандеме с Абдуррахманом Вахидом⁶² и после его смещения заняла пост президента. Сейчас она возглавляет самую крупную политическую партию – это Демократическая партия Индонезии борющаяся, которая сотрудничает с правительством.

АП: Как президентом стал Джоко Видодо и какова его судьба после окончания 2-го президентского срока?

АД: Джоко Видодо стал президентом, поскольку олицетворял свободу от пережитков прежнего режима и был единственным, кто не принадлежал к старой элите. Сейчас он как будто бы пытается создать свою партию.

⁶² Абдуррахман Вахид (1940–2009) – религиозный (исламский) и политический деятель. четвёртый президент Индонезии (1999–2001).